

Заклятые Миры

Андрей
ВАЛЕНТИНОВ

Нарушители равновесия

Ория

Андрей Валентинов

Нарушители равновесия

«Автор»

1997

Валентинов А.

Нарушители равновесия / А. Валентинов — «Автор»,
1997 — (Ория)

Альбиры – воины Светлого Кея – не слишком доверяют колдунам-рахманам. И юный Войчемир, которому в далекую и опасную дорогу дали в спутники рахмана, знает: теперь жди неприятностей. Но он не может даже предположить, какие невзгоды подстерегают его на пути – лесные оборотни, огненные змеи, а главное – и самое страшное – междоусобная вражда...

© Валентинов А., 1997

© Автор, 1997

Содержание

Пролог	5
Глава первая. Войча и Ужик.	11
Глава вторая. Мать Болот.	38
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Андрей Валентинов

Нарушители равновесия

Пролог

Деревянный идол, когда-то срубленный нечестивой секирой и брошенный наземь, лежал в густой высокой траве. В неярком свете костра, горевшего на поляне, он казался тушей морского чудовища, вынесенного на берег волнами. Деревянная личина, разрубленная крест-накрест, злобно шурилась сквозь темноту, словно пытаясь разглядеть тех, кто посмел нарушить ночной покой старого заброшенного святилища. Но даже более зоркие глаза едва ли могли помочь – пришедшие в это недоброе место старались держаться подальше от огня. Да и сам костер горел странно – ровно, без обычного треска сучьев. Поздние гости сидели на поляне уже не первый час, но никто не думал подбрасывать дрова, хотя старого хвороста было хоть отбавляй – костров здесь не разводили уже много лет. Но огонь все же горел – высоко, невозмутимо, и время от времени сквозь красноватое пламя прорывались темные малиновые языки.

Разговор стих, гости сидели молча, не двигаясь. Лица и одежду скрывала темнота. Можно было лишь догадаться, что на обоих надеты плащи – почти одинаковые, темные, только у одного из гостей на голову наброшен капюшон, закрывавший лицо. Тот, кто был без капюшона, казался моложе, хотя и ему уже явно перевалило за пятый десяток. Впрочем, годы не тронули гордую осанку, сильный разворот плеч – казалось, человек сидит на троне, а не на обычном полусгнившем бревне. Его сосед, напротив, слегка сутулился, а его узкие длинные руки явно не находили себе места, то падая на колени, то сцепляясь на груди. Впрочем, в остальном и он выглядел абсолютно спокойным, хотя очень немногие могли чувствовать себя в покое рядом с его широкоплечим спутником.

Внезапно ночную тишину, нарушаемую только далеким уханьем филина, которому тоже не спалось в эту ночь, пререзал резкий злой вой. Зашелестели кусты осторожный ночной житель предпочел спастись бегством в поисках более безопасного укрытия. Даже филин умолк, решив переждать опасную минуту. Вой повторился – кто-то, кому было тоже не до сна, подошел совсем близко.

– Волк? – лениво, словно нехотя, поинтересовался тот, кто был помоложе.

Его спутник не ответил, голова укрытая капюшоном смотрела куда-то в сторону. Снова вой – теперь совсем рядом. Тень, еще более черная чем затопившая лес темнота, стала медленно проступать на дальнем краю поляны.

– Не волк, – голосом, в котором проснулось любопытство, констатировал широкоплечий, – кажется, что-то похуже.

– Похуже, – нехотя, причем без малейшего интереса, отозвался его молчаливый сосед. – Их в этом году много...

Разговор прервался. То, что стояло на краю поляны, время от времени посвечивая зелеными огоньками глаз, похоже, совершенно перестало интересовать ночных гостей.

– Ты хотел меня видеть, Патар, – вновь заговорил широкоплечий. Теперь тон был другим – властным и даже суровым.

– Да, – все так же нехотя отозвался его спутник, – хотел, Светлый...

Послышался смех – негромкий, почти злой.

– Не прошло и двадцати пяти лет, о Великий Патар!

– Двадцать два, о Светлый Кей, – столь же равнодушно откликнулся Патар, – Это небольшой срок...

Вновь послышался смех, хотя тому, кого называли Светлым, было явно не до веселья.

– Совсем маленький! Что за срок для двух друзей, которые...

Он не договорил. Широкая ладонь резким движением разрубила воздух.

– У Великого Патара, Отца рахманов, не бывает друзей, – тихо и печально ответил его собеседник. – Как не может быть друзей у Светлого Кея. У одного есть ученики, у другого – слуги. Друзья могли быть у Ждана Бродяги и у полусотника Мезанмира. Помнишь, я говорил тебе. Ты, кажется, не верил...

Черная тень на краю поляны нерешительно шевельнулась, зеленые глаза блеснули, но пришлец не спешил нападать. Странные люди, сидевшие у странного костра, вызывали опаску.

– Да, не верил, – вздохнул широкоплечий. – Мне казалось, что друзья остаются друзьями. И тот, кто волок одного бестолкового дурака с огрской стрелой в горле по горячей степи, не забудет этого...

– Я не забыл, – темный капюшон еле заметно качнулся. – Я ничего не забыл, Светлый. Не забыл, как бестолковый дурак отбил другого, не менее бестолкового, у слуг собственного отца, хотя отец его был Светлым Кеем. Мы оба ничего не забыли, Светлый. В Ирии будет время вспомнить...

– В Ирии! – ладонь, привыкшая сжимать тяжелую рукоять франкского двуручника, вновь взметнулась вверх. – Ну, знаешь, я еще подожду! Ты мне был нужен здесь! Рядом! Понимаешь? Вспомни, я хотел видеть тебя, когда огры шли на Савмат, а у меня почти не оставалось воинов. Я думал, ты поможешь...

– Но ведь ты разбил огров, – невозмутимо отозвался Патар.

– Я хотел видеть тебя, когда Змеи стали нападать на столицу. Разве не ты должен был помочь?

– Но ведь Змеи больше не нападают...

Светлый хотел сказать что-то еще, но передумал. Крепкая ладонь взметнулась и с размаху впечалась в старую сухую кору бревна.

– Рахманы не служат Кеям, – спокойно и неторопливо заговорил Патар. – Они никому не служат. Мы – не чаклуны в твоём дворце. А если огры все-таки разбиты, Змеи не могут пересечь Серые Холмы, а прошлогодняя Черная Хворь кончилась у твоих границ, Светлый, то это уже мое дело...

Снова смех – горький, невеселый.

– Значит, твое дело? Эх, Ждан...

– Меня называют Патаром, – невозмутимо отозвался его спутник. – И не будем больше об этом. Я действительно хотел тебя видеть. Но сначала... Скажи, Светлый, ты доволен тем, чего добился?

Его собеседник ответил не сразу. Наконец, широкие плечи дрогнули, огромные крепкие руки медленно разошлись в стороны.

– Ну ты и спросишь! – теперь смех звучал весело и добродушно. – Ты для потому меня и вызвал? Нет, ты все-таки молодец! Двадцать два года отсиживаться по чащобам, а потом прийти и поинтересоваться: как, мол, правилось, друг Мезанмир!

– Ну и как правилось, друг Мезанмир? – отозвался Патар, – Помнишь, мы спорили о том, что может делать Светлый, и что ему запрещено. Помнится, один из нас считал, что власть – всегда кровь и насилие, золото Змея, которое любого превращает в чудовище. А другой уверял, будто его секира останется сухой. Не помнишь, кто именно?

Широкоплечий ответил не сразу. Огромные руки опустились на колени, плечи еле заметно ссутулились, и даже в темноте стало заметно, что бывший полусотник уже очень немолод. Тень на краю поляны, осмелев, придвинулась ближе, зеленые глаза жадуще смотрели на добычу.

– Когда я, – негромко начал Светлый и тут же поправился, – когда мои кметы вошли в Савмат, город горел. Пожар тушить было некому – все бежали в лес. А за рекой уже сто-

яли огры. Так я стал Светлым, Великий Патар. У меня не было даже огрызка серебра, чтобы похоронить убитых. Дедичи начали требовать дележа власти, вывода воинов из их владений... Впрочем, ты все знаешь сам. Мне некогда было смотреть за тем, чтобы секира оставалась сухой. Потребовались годы, пока я понял, что власть – не добро и не зло. Она просто – власть. И я напрасно винил своего отца, своего дядю и своего...

– Брата, – тихо подсказал Патар. – Который хотел убить тебя и меня. Да, ты напрасно винил их. Власть – не добро и не зло, Светлый. Она – просто власть. Секира не может оставаться сухой – ее ковали для другого...

– И поэтому ты держался в стороне, о премудрый Патар! Не хотелось пачкать свой черный плащ кровью?

– А также не хотелось, чтобы моего старого дружка называли подголоском рахманов. У тебя и так хватало забот. Ведь огры и пустые сундуки в сокровищнице – не самое страшное...

– Да, – голос Светлого вновь стал спокойным и ровным, – не самое. Есть кое-что и пострашнее. Наша земля потеряла имя. Имя! Мало кто помнит, что ее когда-то называли Ория...

– Ее называли по-всякому, Светлый. Она была Орией, страной Ут, Орихайной...

– Даже наш народ – кто он? – голос Светлого стал сильнее и громче, черная тень на краю поляны, уже изготовившаяся к прыжку, нерешительно замерла. – Кто мы? Анды? Сполоты? Акалаба? Венты?

– И ты думал дать земле имя, – Патар медленно покачал головой. – Объединить, собрать всех вместе и назвать землю вновь. Своим именем...

Широкоплечий кивнул:

– Когда об таком мечтает простой альбир – это смешно. Но я стал Светлым... Разве это не мое право, не мой долг?..

– И когда ты понял, что такое тебе не по силам? – Патар нехотя поднял руку и щелкнул пальцами. Тень на краю поляны дернулась и неслышно сгинула во тьме, унося в своей темной душе ужас – еще более беспросветный, чем тот, что все годы внушала сама. Светлый взглянул ей вслед и усмехнулся:

– Вот так бы их всех, правда, Ждан? Наши чаклуны умерли бы от зависти... Понял я недавно – лет пять тому. Вначале было горько, а потом я успокоился. Не мне спорить с богами. Равновесие! Его не изменить – мы и огры, лес и степь, пастух и пахарь. Я не могу собрать войско, достаточное, чтобы одолеть огров. Пришлось бы задушить народ податями, что вызовет мятеж уже через полгода. У нас ведь тоже равновесие – сполоты сильны, но никогда не смогут подчинить всех – и волотичей, и улебов, и харпов. И огры тоже не всеильны... Поэтому я помирился с хэйканом. Ты ведь знаешь, он болеет. У него нет сыновей, а младший брат, говорят, хочет войны...

– В любом случае первые годы будет править не он, а Тай-Тэнгри, – темный капюшон вновь качнулся. – Не волнуйся пока об ограх... Да, ты прав – равновесие. Это установлено не нами, и пока оно существует, земля не получит имени. Каждый, кто торит путь от реки Итль вдоль Змеиного моря, будет звать ее, как хочет... Ты ответил на мой вопрос, Светлый. А теперь я скажу, почему попросил о встрече. Вот... Узнаешь?

Худая узкая рука протянула к свету что-то небольшое, плоское, похожее на неровную каменную табличку. Бесстрастные языки пламени осветили два ряда странных знаков.

– Да... – в голосе Светлого мелькнуло искреннее удивление. – Конечно! Я прислал тебе эту безделицу полгода назад. Ты ведь любишь подобные загадки... Ну как, сумел прочитать?

– Сумел... – табличка тут же исчезла под темным плащом, – Но сначала расскажи мне где и как ты ее нашел.

Голос Патара звучал строго и повелительно. Тот, кого звали Светлым, уже много лет ни от кого не получал приказов, но на этот раз и не подумал спорить.

– Эту вещь, – медленно начал он, собираясь с мыслями, – точнее, каменную табличку размером с ладонь взрослого человека и приблизительно такой же толщины...

Его собеседник одобрительно хмыкнул – видимо, в таком подробном описании крылась шутка, понятная лишь им обоим.

– ...Покрытую двумя рядами знаков, несколько напоминающих древнее письмо лелегов, однако более сложных... Ее переслал мне мой сын, Кей Рацимир, месяцев семь назад. Он нашел ее в городе Стрежне, точнее в той его части, которая называется Старый Детинец...

– Знаю! – нетерпеливо прервал его собеседник. – Там что-то строили...

– Но ты же просил подробнее! – похоже, Светлый заметно повеселел. – Строили новую вежу, каменную, причем строительством ведал Хальг Лодыжка, которого я специально вызвал из земли улебов, где он...

– Там была яма, – вновь перебил его Патар, – в ней трупы...

– Истлевшие. Очень давно, века два тому назад. Две женщины и ребенок. Явно убиты, причем с вполне понятной целью. Еще недавно такое проделывали у нас в Савмате, пока мой дед не запретил...

– Табличка была под трупами?

– Как и полагается. Рядом – осколки кувшина, знаешь, такого, как делают румы – с двумя ручками и длинной ножкой. В общем, похоже на жертву Косматому... Или кому-либо похуже, не будем поминать ночью... Ждан, да чего ты разволновался? Кости мы похоронили, Рацимир даже принес заупокойные жертвы...

– Я не о них, я об этом...

На узкой ладони Патара вновь появилась каменная табличка.

– Вначале я и сам не придавал значения, Светлый. Просто таких знаков я еще не встречал, они похожи на лелегские, и я попытался прочитать. Трудновато, но у меня есть очень способный ученик...

– Как ты когда-то, – не преминул ввернуть его собеседник.

– Нет, – Патар явно не принял шутки. – Способнее! Куда способнее того молодого болвана, которого ты помнишь. В общем, он прочитал...

– Ну и?.. – похоже, рассказ пока лишь забавлял Светлого.

Патар помолчал, а затем медленно, нараспев произнес:

Пусть эта кровь сохранит сокровенное в тайне:
Лунное зеркало. Дверь. Ключ от нее. Акелон.

Слова отзвучали, и на поляне настала тишина. Вдалеке вновь ухал осмелевший филин, в кустах шумели какие-то юркие зверьки, но у костра повисло молчание. Молчали люди, и по-прежнему беззвучен был костер, странный костер, в который никто не думал подкидывать дрова.

– Нет, ничего не понял, – наконец произнес Светлый. – Акелон, – я такого и в сказках не встречал...

– Зато ты слышал о Двери и о Зеркале, – негромко напомнил Патар, и Светлый, умолк, убежденный если не словами, то тоном своего спутника.

– Вспомни, Светлый, предание о Сдвиг-Земле...

Послышалось недоуменное хмыканье, широкая ладонь нерешительно поднялась над бревном, крепкие пальцы щелкнули.

– Ага! Ты же мне рассказывал! Точно, мы были у сиверов...

– Вспомни! – твердо и властно повторил Патар.

– Ладно... – Светлый вздохнул и начал старательно, словно ученик перед учителем, подбирать непослушные слова:

– Ну... Считают, что мир сотворен Золотым Соколом. Его еще называют Предком. Он создал мир из морской тины, сначала землю, потом растения, зверей, птиц... Ну и людей... Правильно?

– Дальше, – бесстрастно произнес Патар.

– Люди вначале были другие, не такие как мы. Их сейчас называют Первыми. Они были очень сильные, каждый их альбир мог драться двуручником, как кинжалом...

– Светлый! – голос того, кто носил капюшон, прозвучал укоризненно, словно он и вправду разговаривал с учеником. – Про двуручник я тебе ничего не рассказывал!

– Ну, это я для убедительности... В общем, они были гордые, боги, естественно, обиделись и обратились к Соколу. Тот подумал и... А, вспомнил! Он посмотрел в какое-то Зеркало и открыл Дверь! И тогда земля стала, как вода, каменные волны обрушились на Первых, и они сгнули в пучине. Затем земля стала застывать, трескаться, и одна из трещин позже стала руслом Денора. Потом те немногие, что уцелели, назвали это Сдвигом... Я ничего не спутал?

– Кое-что. Но в основном верно. Это старое предание, Светлый, сейчас его почти не помнят. Так вот, я слышал, что Сдвиг вызвали не боги, не Золотой Сокол. Его вызвали сами Первые...

– Тогда... Тогда они сами должны были быть богами! – недоуменно откликнулся Светлый. – Да о чем ты? Это же сказка!

– Не сказка, Светлый! И Первые не были богами. Они были сильнее, чем боги. У них была Дверь и было Зеркало.

– И... Ты думаешь, кто-то знает, где Дверь? – теперь в голосе широкоплечего звучала растерянность. – И можно до этой Двери добраться? Нет, нет! О чем-ты? Если бы кто-то знал, хотя бы хэйкан...

– Хэйкан не знает, – Патар вздохнул. – Не знаешь ты, не знаю я... Но кто-то знал и написал на табличке. Теперь понял? Две строки – цена равновесия. Если кто-то найдет Дверь и Зеркало...

– Так...

Светлый обхватил крепкими руками плечи и застыл, о чем-то напряженно размышляя. Его спутник не мешал, он даже отвернулся, глядя в темную стену подступавшего к поляне леса.

– Понял... – наконец, проговорил тот, кого называли Светлым. – Конечно, это может быть сказкой, но... Ведь такую табличку мог найти и хэйкан, а чаклунов и у него достаточно! Тай-Тэнгри может прочесть надпись?

– Может, – эхом откликнулся Патар.

– А ты знаешь, где Акелон?

– Знаю, – вновь ответило эхо.

– А-а... А как выглядит Дверь? И Зеркало?

– Этого не знаем ни я, ни он...

На поляне вновь наступило молчание, даже лес притих, словно не желая мешать двум странным путникам, решившим провести ночь на древнем капище.

– Если хэйкан найдет дверь, каменные волны могут обрушиться на Савмат, – наконец, заговорил Светлый. – Если найду я... Но найти может и кто-то третий... Слушай, Патар, а может все-таки сказка? Или тот, кто спрятал табличку, ошибался?

Ответа не было. Широкоплечий вздохнул и выпрямился, словно сразу став моложе.

– А я-то думал, самое трудное, что мне осталось – не допустить резни после того, как меня привалят камнем на Кеевой Горе! Ну, удружил, Ждан, старый друг! Ладно, я понял. Где находится Акелон?

– Скажу, – голос Патара, напротив, звучал устало, словно разговор стоил ему огромных усилий. – Но не тебе. Пусть пока никто не знает всей тайны. Даже я... Я пошлю туда своего

ученика. Он найдет Зеркало и, если повезет, узнает, где Дверь. Но о Сдвиге я промолчу – это лишь для нас с тобой...

Светлый ответил не сразу. Наконец широкая ладонь хлопнула по бревну:

– Ладно! Но твой ученик пойдет не один. Я пошлю с ним кого-нибудь из самых верных...

– Лучше пошли кого-нибудь из самых глупых...

Светлый помолчал мгновенье, затем тишину разорвал громкий смех.

– Глупых! Ну, это можно! Глупых как раз хватает! Но тут нужен не просто глупый... Тут нужен очень глупый. Очень глупый – и очень верный. Ничего, найду... Главное, чтобы твой ученик не убежал с секретом к хэйкану.

– Он не убежит, – Патар встал, поведя узкими плечами. – Мои ученики не убегают. Лучше бы ты отпустил его одного...

– Нет, – Светлый тоже встал, и при свете костра стало заметно, что он выше своего спутника на целую голову. – Ты веришь мне, я – тебе. А твоего ученика я не знаю. Ничего, может они подружатся – как мы с тобой когда-то...

– У рахманов не бывает друзей, – возразил Патар.

– Зануда, – вздохнул широкоплечий, – ну почему ты такой зануда, Ждан?

– А ты очень забавно злишься, – внезапно хмыкнул Патар. – Всегда любил тебя доводить...

– Ах ты!..

Огромная ладонь рассекла воздух, но тот, чьей шее предназначался удар, каким-то чудом успел оказаться в стороне. Широкоплечий рванулся вперед, но вдруг почувствовал, как его лопатки касаются земли.

– Изменник, – недоуменно произнес он, глядя в усыпанное звездами небо. – Поднять руку на Светлого Кея! На потомка самого Кея Кавада! На властелина Савмата и победителя огров!

– Это тебе не двуручником махать, Мезан-дружок, – узкая длинная рука одним рывком подняла огромное тело Кея с земли. – Говорил тебе, учись драться!

– Говорил...

Внезапно Светлый обхватил худые плечи Патара своими громадными ручищами и оба они рухнули в высокую траву. Над поляной стоял хохот – теперь смеялись оба. Старый идол недоуменно глядел на незваных гостей, и его разрубленная крест-накрест личина злобно щерилась.

Глава первая. Войча и Ужик.

Жаркое летнее солнце ударило в лицо, и Войча невольно прикрыл глаза ладонью. Долгий разговор в полутьме маленькой комнаты, освещенной лишь крошечной лампадкой почти заставил забыть о том, что за стенами сырого неуютного дворца лето. Но солнце – Небесный Всадник – поспешило напомнить о себе, и Войча долго тер глаза кулаком, пытаясь прогнать взявшееся невесть откуда желтое пятно. Наконец проклятая желтизна исчезла, и глазам стало зелено от травы, пробивавшейся сквозь неровные камни старой вымостки. В этот утренний час на заднем дворе Кеевых Палат, что занимали почти половину Савматского Детинца, было малоллюдно. Несколько бедно одетых селян сгрудились у стены, разложив перед собой прямо на шербатые каменные плиты нехитрый завтрак – разломленные лепешки и вареную репу. Дальше, у самых ворот, стоял большой воз, а неподалеку от него, прислонившись к каменному столбу, дремал какой-то паренек в черном плаще, смотревшемся в эту жаркую пору достаточно странно.

Впрочем, все это Войча заметил мельком, как привык замечать в походе вещи ненужные, скорее для порядка, чем для пользы. Зато посреди двора его глазам предстало зрелище, от которого поневоле зануло сердце. Еще бы! Двое крепких ребят, едва ли ниже самого Войчи, медленно, словно нехотя, подступали к рослому чернобородому парню. Все трое были голыми по пояс, тренированные руки сжимали короткие франкские мечи, и Войча замер, напроочь забыв, зачем он сюда пришел. Походя он заметил, что мечи у всех трех настоящие, нетупленные, и парня замерла, ожидая начала боя.

Чернобородый тоже ждал, его меч был опущен вниз, а глаза смотрели куда-то в сторону. Нападавшие переглянулись и... Первый удар был отбит настолько быстро, что Войча лишь успел моргнуть. Затем удар, еще – и один из парней, заработав две глубокие царапины на руке и боку, отскочил назад – для него бой уже кончился. Второй оказался проворнее, его меч почти достиг груди противника, но тот сделал еле уловимое движение в сторону. Удар, резкий звук металла – и меч нападавшего звонко ударился о каменную плиту вымостки.

– Плохо! – чернобородый опустил меч и сплюнул. – Марш тренироваться, олухи!

Парни вновь переглянулись и, опустив головы, поплелись к дверям, ведущим во дворец. Чернобородый оглянулся и наконец-то заметил Войчу. Загорелое лицо дернулось короткой усмешкой:

– А, Войчемир! Чолом! Видал болванов?

– Чолом!

Войча подошел к чернобородому и пожал горячую крепкую ладонь.

– Надо бы их к Хальгу отправить.

Чернобородый кивнул и не спеша подошел к стене, где лежала его небрежно скомканная рубаха.

– Ты, говорят, у Хальга лучшим учеником был.

– Говорят, – лицо Войчи невольно расплылось в довольной усмешке. – Мы же с ним в Ольмине...

– Да знаю, знаю... Надо бы нам с тобой стукнуться, да все некогда.

– А сейчас? – Войча, уже полез к вороту рубахи, но чернобородый покачал головой:

– Мне к отцу надо. У волотичей что-то неладно... Ты же, кажется, у него был?

– Ага, – кивнул парень, запоздало вспомнив, что пришел сюда по делу, к тому же важному и чрезвычайно секретному. Впрочем, Войча был твердо уверен, что от Рацимира, старшего сына Светлого, особых секретов у него нет и быть не может.

– Отец с поручением посылает? – как бы между прочим поинтересовался чернобородый, и Войча вновь кивнул, не заметив острого пристального взгляда, брошенного на него исподлобья.

– С поручением... Рацимир, ты тут не видал старикашку?

– Старикашку? – Кей Рацимир на этот раз был удивлен по-настоящему. Оглядевшись, он пожал плечами и вновь внимательно поглядел на Войчу.

– А какого тебе нужно... старикашку?

– Да чаклуна какого-то. Ну, кобника... – Войча тоже оглядел двор и остался весьма недоволен. – Светлый сказал, что этот чаклун здесь меня дожидается!

– Ну-ну, – Рацимир криво усмехнулся и хлопнул Войчу по плечу, – ищи своего чаклуна, только в жабу не превратись.

Войча лишь вздохнул в ответ и, махнув рукой Рацимиру, не спеша направился к воротам. Старший сын Светлого проводил его внимательным взглядом, вновь усмехнулся – на этот раз холодно и жестко, и лишь затем быстро зашагал к дверям.

За воротами старикашки тоже не оказалось. Трудно сказать, почему Войча искал именно старика. Приказ Светлого был несколько иным, но простодушный Войча понял его именно так. Любой колдун – чаклун, кобник или обыкновенный сельский знахарь в его представлении был дряхлым стариком с нечесанными патлами и мешком сушеных лягушек у пояса.

Побродив у ворот, Войча вернулся во двор. Бросив унылый взгляд на поевавших репу селян, он скривился и, за неимением ничего лучшему, подсел к пареньку в черном плаще. Тот, похоже, дремал, но как только Войча, тяжело вздыхая, опустился на каменные плиты рядом с ним, тут же открыл глаза.

– Чолом! – небрежно бросил Войча, решив порасспросить своего случайного соседа.

– Чолом, альбир! – паренек вновь закрыл глаза, и Войча поспешил обидеться.

– Чолом, говорю! – повторил он, несколько повысив голос.

– А? – парень удивленно открыл глаза, – Эсгэни ха? Той альбир-но тузлати ха эйчо?

В первое мгновение Войча оторопел, затем сообразил что к чему и удивился еще больше. Паренек говорил по-огрски. Рука тут же потянулась к поясу, где висел меч, но Войча вовремя вспомнил, что вот уже десять лет, как Светлый помирился с хэйканом, к тому же надо быть очень глупым лазутчиком, чтобы устроиться прямо на заднем дворе Кеевых Палат у всех на виду.

– Чолом! – проговорил Войча в третий раз, теперь уже не без определенного уважения. – Огра сы?

– Я? – похоже парень весьма удивился. – Нет, я не огрин.

– Ну, Матушка Сва! – Войча на этот раз разозлился по настоящему. – Да какого лешего ты по-огрски болтаешь?!

– Но ты же обратился ко мне по-огрски. Я тоже ответил по-огрски.

Войча недовольно засопел, готовя достойный ответ, но невольно задумался. Его странный сосед был прав. «Чолом!» – означало по-огрски то же самое, что и «Здравствуйте!» В последние годы при дворе Светлого начали здороваться на языке тех, кого многие десятилетия считали самыми опасными врагами. Впрочем, невинное «Чолом!» было лишь первой ласточкой. На ногах у Войчи красовались сапоги отменной огрской работы, на правом боку висела огрская сабля, к тому же сам он – думать об этом было вообще странно – с недавнего времени мог считать себя близким родственником самого хэйкана – после того, как его двоюродный братан Сварг женился на сестре огрского владыки. Даже Кеевы кметы с недавних пор предпочитали зваться «альбирами» – по примеру бесстрашных степных наездников

– Ладно, – резюмировал Войча, решив обдумать эту неожиданную проблему чуть погодя, – ты вот чего... Давно тут сидишь?

– Часа три, – последовал равнодушный ответ.

– Ага! Тогда припомни-ка, не было тут такого, ну... Странного такого... Чаклуна, в общем...

Сформулировав, наконец, вопрос, Войча почувствовал нечто вроде облегчения. Но радовался он рано.

– Чаклуна? – темные глаза парня удивленно моргнули. – Это который грозу вызывает?

– Который, который! – Войча начал терять терпение. – Который грозу вызывает, лягушек варит, зелье приворотное готовит...

– Такого не видел, – последовал невозмутимый ответ, и Войча мысленно застонал. Он еще раз осмотрел двор, но никого кроме селян в давно не стиранных льняных рубахах, там не оказалось. Оставалось одно – идти обратно в покои Светлого и честно доложить о том, что его поход не удался в самом начале.

– А кто тебе нужен? – внезапно поинтересовался парень, не открывая глаз.

– А тебе что за дело? – запоздало насторожился Войча, пожалев, что разоткровенничался с этим весьма подозрительным типом в нелепом черном плаще. – Ишь, любопытный, карань!

– А что такое «карань»? – невозмутимо отреагировал тот.

Войча открыл было рот, желая объяснить невежде и про карань, и про то, как должно разговаривать с Кеевым кметом, к тому же не простым, а десятником, но осекся. Про загадочную карань он не имел ни малейшего представления.

– Да это так мой дядька ругался, – неожиданно для самого себя ответил он, – который, ну, воспитывал меня. Еще в Ольмине. Чуть что – «карань» да «карань».

– А чего тебе ругаться?

Войча вновь, в который уже раз, глубоко вздохнул.

– Старикашку найти мне надо. Чаклуна. Кобника. Ну, который жаб ловит.

Насчет жаб у Войчи полной уверенности не было. Более того, Светлый, давая ему приказ, назвал искомого колдуна как-то иначе, но Войча от напряжения – все-таки не каждый день получаешь такое задание – попросту запомнил.

Возвращаться во дворец не хотелось. Войча представил себе холодное, невозмутимое лицо Светлого и поневоле почесал затылок. Вот тебе и выполнил приказ! Оставалось в очередной раз осмотреть двор. Увы, никого там не прибавилось. Войча на всякий случай пригляделся к селянам, успешно доедавшим репу, но тут же покачал головой. Грязные рубахи, домотканые портки... Нет, эти даже жабу не поймают! Разве что проклятый чаклун решил переодеться, дабы поиздеваться над ним, Кеевым альбиром...

– Если тебе нужен Урс, то это я, – внезапно послышалось откуда-то сбоку.

Войча невольно дернулся, оглянулся – но никого, кроме владельца черного плаща не заметил. Тот по-прежнему сидел, не открывая глаз. Можно было подумать, что странный парень попросту дремлет.

– Эй! – Войча осторожно пододвинулся ближе. – Ты чего сказал-то?

– Я – Урс, рахман, – повторил парень не открывая глаз.

– Ты?!

Войча был не просто удивлен. Он разозлился. Мало того, что он забыл сложное слово «рахман», – «рахман», а не чаклун и не кобник, – так вдобавок над ним все это время издевались! Даже можно сказать, глумились!

– Урс, значит, – проникновенно начал он. – Рахман, значит... А ну встать!!!

Голосом Войчу боги не обидели. Перепуганные галки с криком поднялись в воздух. Селяне, доедавшие репу, застыли, не донеся кусок ко рту. Странный парень открыл глаза, пожал узкими плечами и неторопливо приподнялся.

– Так ты Урс? – вновь рявкнул Войча, но уже потише. – Так чего молчал?

– Но ты же не спрашивал! – парень удивленно развел руками. – Ты же искал старикашку...

– Молчать! – Войча перевел дух и вобрал в грудь побольше воздуха. – Да ты с кем шутики шутишь?! Да ты знаешь, кто я есть?! Я есть Войчемир сын Жихослава, Кей и самого Светлого родной племянник! Понял?

– Понял, – невозмутимо ответил тот, кто назвался Урсом.

– Чего ты понял, карань? – рыкнул Войча, ничуть этим ответом не успокоенный.

– Я понял, что ты есть Войчемир сын Жихослава, Кей и самого Светлого родной племянник.

– То-то! – Войча довольно хыкнул. – А еще я Кеев альбир, кмет, стало быть и твой начальник. Усек?

Владелец черного плаща кивнул, что вновь взярило начавшего было успокаиваться Войчу.

– Ты мне не кивай! Ты мне словами понятными отвечай! А то развел: кобник, чаклун, рахман! Спрашиваю, так доложись: так и так, мол, я Урс...

– Я Урс, – сообщил парень на этот раз более смиренным тоном.

– Так бы и сразу, – Войча хотел было перейти к делу, которое и так началось не особо удачно, но внезапно его озарило:

– А чего ты Урс? Урс это медведь, вроде?

– Вроде...

– Медведь! – восхитился Войча. – Тоже мне Медведь! Да какой ты Урс! Ты Уж! Не, ты Ужик! Так я тебя и звать буду – Ужик. Запомнил?

Последовал покорный кивок.

– Словами! – скомандовал довольный собственной выдумкой Войча.

– Запомнил, о Войчемир сын Жихослава, Кей и самого Светлого родной племянник...

– Гм-м... – услышанное заставило задуматься. – Ты... Да ладно, чего с тебя взять! Зови меня просто Войча. Ты – Ужик, я – Войча. Понял, Ужик?

– Понял, Зайча...

– То-то... – Войча расправил плечи, и тут только до него дошло. – К-как? Ты чего сказал?

– Извини, Войча. Я кажется, перепутал, – парень развел руками и взглянул на грозного альбира наивными темными глазами.

Мучения Войчи на этом не кончились. Вернее, они лишь начались. Подробно объяснив разницу между волком, в честь которого он и был назван, и каким-то там зайцем, он решил, что пора приступать к делу. Точнее, не приступать, а выступать – приказ Светлого был строг и категоричен. Оставалось узнать, где этот недоумковатый Ужик привязал своего коня – дорога предстояла дальняя. Но тот развел руками, сообщив, что коня у него нет.

Войча чуть не зарычал и, схватив своего нового знакомого за руку, потащил на конюшню. Знай он заранее, то конечно подобрал бы этому типу какую-нибудь конячку помирнее. Теперь же приходилось рассчитывать лишь на собственных коней – на огромного черного Басаврюка, с которым Войча не расставался уже третий год, и на недавнюю покупку – рыжего Ложка, уступленного за полторы полновесные серебряные гривны огрским пройдохой-купцом. С Ложком Войчу изрядно надули, и он решил взять его с собой исключительно как выючного коня. Теперь же приходилось сажать на него недоумка-Ужика. Впрочем, Войчемир рассудил, что худосочный узкоплечий чаклун весит едва ли больше полного выюка.

Пока Войча, негромко ругаясь с поминанием все той же карани, перераспределял груз и проверял упряжь, его странный спутник равнодушно глядел в сторону, словно происходящее его совершенно не касалось. Это равнодушие вновь озлило Войчу, но он сдержался, велел Урсу лично проверить седло и проехаться для пробы на Ложке по кругу. На это Ужик лишь развел руками, сообщив, что ездить на коне не умеет, да и не собирается. Войча вновь чуть не зарычал, но ограничился тем, что поинтересовался, где вещи этого недоумка-чаклуна. С тем

же равнодушием Урс снял с плеча узелок, в который можно было спрятать разве что средних размеров ежа. Войча молчал сунул ему повод и велел идти за собой.

Они вышли из конюшни, миновали задние ворота и оказались в пригороде. За спиной остались серые каменные стены Кеева Детинца, а за ними – шумный Савмат, который несмотря на годы, прожитые при дворе Светлого, оставался для Войчи чужим и непонятным.

Мать умерла, отца убили. Войчемир сын Жихослава, внук Светлого Кея Хлуда и тридцать второй потомок Кея Кавада вырос в маленьком городке, точнее в обычной приграничной крепости, под названием Ольмин. Почему он, Кей, племянник самого Светлого Кея Мезанмира, очутился на холодной полночи, среди мшистых болот и темно-зеленых хвойных лесов, Войча как-то не задумывался. Он не любил загадок и воспринимал вещи просто. А жизнь его казалась и вправду простой. Был Ольмин – два десятка домов под крышами из темной дранки, окруженных частоколом, был суровый дядька, который воспитывал еще его батюшку – славного альбира Жихослава, была есь – невысокие, одетые в дубленые шкуры воины, то и дело нападавшие на крепость. Это было привычно и понятно. А потом, когда дядьку задрал на охоте медведь, в Ольмин приехал Халыг Лодыжка, которого прислал Светлый. Жизнь изменилась, но не стала сложнее. Просто теперь не есь нападала на Ольмин, а Кеевы кметы под командой Халыга ходили в долгие походы, сжигая убогие селища врагов. А в коротких перерывах между походами Халыг учил Войчу рубиться коротким мечом, обращаться с кривой огрской саблей и даже показывал как пользоваться великим чудом – привезенным откуда-то из неведомой западной земли двуручником. Так шли годы. Мальчик стал крепким рослым парнем, а два года назад гонец привез повеление Светлого. Халыг и Войчу вызывали в столицу – далекий Савмат, который казался городом за тридевять земель.

Теперь Войча жил в Савмате, который в последнее время все чаще называли Кей-городом или просто Кеевым. Он научился – в пределах, положенных альбиру – придворному вежеству, познакомился с целой толпой родичей, но так и не прижился в шумной столице. Он тосковал по Ольмину, по холодным просторам севера, и даже есь, с которой приходилось рубиться каждую неделю, теперь стала казаться какой-то привычной, даже домашней.

Итак, Войчемир так и не стал до конца своим в Кеевых Палатах. Он чувствовал это кожей, хотя она у Войчи была достаточно толстой. В этом каменном дворце, так непохожем на скромный деревянный терем с резным Змеем на коньке крыши, где он прожил много лет, Войча оставался чужаком. Над ним не смеялся – пудовые кулаки и слава лучшего ученика Халыга Лодыжки заставляли самых записных острословов держаться на почтительном расстоянии. Однако даже сквозь прочную, закаленную северным холодом шкуру Войчемир ощущал некоторое не то чтобы презрение – до этого, хвала Золотому Соколу, не доходило – но нечто вроде легкого пренебрежения. Светлый был с Войчей ровен, приветлив – но не более. Если в Ольмине Войчемир считался, пусть на словах, самым главным, и даже сам Халыг был прислан как бы в помощники, то здесь ему дали десяток молодых необученных кметов – и все. А ведь его двоюродные братья – и чернобородый Рацимир, и пышноусый Валадар, и рыжий Сварг, и даже совсем юный Улад – уже правили каждый в своем уделе, как и надлежит Кеям.

Не то чтобы это очень расстраивало Войчемира, но все-таки время от времени хотелось чего-то другого, кроме сторожевой службы в Детинце и редких поездок по ближним селам на полюдь. В Ольмине он слышал, что на юге настоящему альбиру есть где разгуляться. В степи за полноводным Денором рыщут страшные огры, а от далекого моря то и дело налетают Огненные Змеи, которых не победить никому – кроме, разумеется, настоящего Кея, Кея Победителя, потомка Великого Кавада. Так казалось, но в Савмате выяснилось, что со страшными ограми, вековыми врагами, уже много лет, как заключен скрепленный клятвой мир, а Змеев вообще давно не видели – то ли попрятались, то ли сгинули. И, странное дело, оказалось, что среди молодых кметов лишь он один имел какой-то военный опыт. Конечно, белоглазая есь – не

огры, но Кеевы альбиры не скрещивали свои купленные за полновесное серебро мечи даже с есью. Все это так, но все же на Войчу смотрели слегка искоса, поэтому молодой альбир был так рад, когда сам Светлый вызвал его для секретного разговора. Наконец-то Войче поручили что-то важное! Не Змеи, конечно, не огры, но все-таки... Увы, это «все-таки» оказалось узкоплечим худосочным Ужиком, которого следовало куда-то вести, оберегать и, поскольку Недотепа-чаклун не догадался взять с собой припас, еще и кормить.

Впрочем, Войча привык смотреть на жизнь легко, как и надлежит альбиру. Поэтому он быстро прогнал сомнения прочь и, весело насвистывая, зашагал, придерживая за уздечку брыкливого Басаврюка. Недотепа-Ужик шел следом, ведя в поводу Ложка. Правда, оглянувшись через некоторое время, Войча не без удивления заметил, что повод заброшен на шею коня, а Ложок идет рядом со странным парнем сам по себе, как собачонка. Раньше за огрским конем такого не водилось, и Войча решил, что ежедневная выездка сделала свое дело.

Когда последние дома, точнее грязные, врытые по самую крышу в песчаный грунт землянки остались позади, Войчемир внезапно сообразил, что не имеет не малейшего представления о том, куда им следует направляться. Точнее, куда, ему было сказано, а вот в какую сторону...

– Эй! – воззвал он, придерживая Басаврюка. – Не спеши!

Ужик послушно остановился. Странно, но Ложок сделал то же самое, хотя ему вообще ничего не приказывали.

– Отсюда верхами поедem. Сам сядешь, или помочь?

Ужик оценивающе поглядел на Ложка, смирно стоявшего рядом и покачал головой.

– Чего? – не понял Войча, – Ты словами говори!

– Мы не ездим верхом. – все тем же равнодушным спокойным тоном пояснил его спутник. – Нам нельзя.

– Кому это «нам»? – вздохнул Войчемир, чувствуя, что забот с этим худосочным будет даже больше, чем он боялся.

– Рахманам.

– Значит, нельзя?

– Нельзя.

Войча почесал щеку, куда его уже успела укусить какая-то наглая комаха, и прикинул, что этого недотепу лучше всего связать и бросить поперек седла. Но, подумав, решил кончить дело миром.

– Понимаешь, Ужик, нам идти далеко. Очень далеко.

– Неблизко, – согласился Ужик все тем же тоном.

– А ты босиком.

– Босиком, – Ужик мельком взглянул на свои необутые ноги, – мы всегда босиком ходим.

– Даже зимой? – не поверил Войча, привыкший на севере к тяжелым кожаным сапогам.

– И зимой.

– Так ведь холодно! – Войчемир представил себе, как он босиком идет по зимнему промерзшему до дна болоту, и его передернуло.

– Холодно, – послушно согласился Ужик, – иногда совсем невтерпеж.

– Ну и Косматый с тобой! – Войча махнул рукой, прогоняя целый рой мошки, слетевшейся на запах пота – человеческого и конского. – Хочешь пешком идти – иди! Только я тебя ждать не буду! Спешить нам надо.

– Успеem, – все так же односложно откликнулся странный парень.

Разговор становился уже совсем нелепым. Вдобавок последнее слово заставило Войчу насторожиться.

– А... А ты знаешь, куда нам?

– Знаю. В Акелон.

– Ага!

Именно это слово, которое Войча с трудом, но запомнил, и произнес Светлый во время их разговора. Следовало, конечно, переспросить, но Войчемир ждал, что Светлый пояснит все сам. Пояснений, однако, не последовало, и теперь Войча поспешил схватиться за спасительную ниточку.

– Ты вот чего, Ужик... Урс. Давай-ка поговорим...

Войча отвел Басаврюка к обочине, пристроил в тени ближайшего дерева и повернулся и своему спутнику, спокойно продолжавшему стоять на солнцепеке.

– Эй! Ходи сюда!

– Вот чего, – начал Войча, когда Ужик послушно подошел поближе (при этом обычно строптивый Ложок без всякой команды сделал то же самое). – Я – альбир, Кеев кмет. Воин, одним словом. Это понятно?

Последовал кивок. Войча хотел было потребовать словесного ответа, но на этот раз сдержался.

– Мы с тобой получили приказ. От самого Светлого, понял? И приказ наиважнейший. Так что давай думать, как его выполнить, да чтоб точно, неукоснительно и в срок.

Войчемир остался доволен своей речью.

– А ты, стало быть, этот... рахман, – продолжал он, заметив, что Ужик и не думает отвечать.

Темные глаза растерянно мигнули.

– Понимаешь, Зайча...

Войчемир кашлянул.

– Войча, извини, – тут же поправился заморыш. – Я, в общем-то даже не рахман. Я – ученик. К Патару совсем недавно пришел. Три дня назад я только собрался за лягушками, а он вызывает и говорит: пойдешь в Савмат, а потом в Акелон. Ну вот...

Подумав, Войчемир сумел сделать несколько важных умозаключений. Прежде всего недотепа служит какому-то Патару, не иначе важной шишке среди этих самых рахманов. Вторых, дальше ловли лягушек парня не пускают, и главное – с Акелоном получалось совсем плохо.

– Ты вот чего, Ужик, – начал он как можно мягче, дабы не спугнуть собеседника. – Нам этот Акелон позарез нужен. Давай-ка подумаем, как туда идти.

– На полдень, – темные глаза вновь мигнули. – Прямо на полдень, а затем к устью Денора...

– А точнее не знаешь?

– Нет, я ведь только ученик...

Войча вновь призадумался. Дело оказалось еще неподъемнее, чем он вначале думал. Правда по счастливой случайности они вышли из города в нужном направлении – как раз на полдень, но устье Денора находилось в такой дали, что и представить страшновато.

– Ладно, Ужик, – заключил он как можно веселее, – вечером поговорим, а сейчас ехать надо. Так значит, ты колдовать не умеешь? Ну там грозу вызвать, дождь?

– Нет, – Ужик развел худыми длинными руками. – Я только дом подметаю. Ну, иногда еще лягушек ловлю, мышей...

Войча легко вскочил в седло, потрепал по шее заволновавшегося Басаврюка и не спеша, шагом, направился по дороге, которая вела к ближайшему лесу. Ужик двинулся следом, ступая босыми ногами по дорожной пыли. Рядом с ним шел Ложок, по странной случайности почему-то решивший не отступать от нелепого парня ни на шаг.

В лесу стало прохладнее. Солнце спряталось за вершины могучих дубов, и Войча несколько повеселел. В конце концов все складывалось неплохо. Мельком он подумал, что Ужик вдобавок ко всему безоружен, но даже эта мысль не могла испортить настроение.

В этом огромном лесу, почти вплотную подступавшем к Савмату, Войче приходилось бывать, причем неоднократно. Несколько раз он охотился – и со Светлым, и с его сыновьями, чаще всего с Рацимиром, любившим выходить один на один и против медведя, и против тура. Однажды Войчу вместе с другими кметами послали разорить и сжечь какое-то небольшое селенье, которое то ли упорно не платило подать, то ли, как поговаривали, поклонялось каким-то особо вредным лесным навам. От селения они оставили один пепел, поскольку брать у нищих лесовиков оказалось совершенно нечего. Правда, дрались они отчаянно, и Войча с трудом смог уклониться от удара здоровенной дубины, направленного прямо в голову. Подобное не удивило, ему часто приходилось жечь жалкие поселки, в которых жила есь. Разве что теперь пришлось вырубать не белоглазых уродов, а своих, но на то, как известно, воля Светлого.

Эти воспоминания заставили призадуматься. Лес тянулся на несколько дней пути. Селений вдоль дороги немало, но останавливаться в них едва ли разумно. Кеев кмет, путешествующий вместе с каким-то подозрительным парнем, мог показаться легкой добычей. Конечно, лесовиков – бортников, охотников и рыболовов – Войча и не думал бояться, но ночью сторожу не выставишь, а сонным могли зарезать даже самого Хальга Лодыжку. Поэтому Войча здраво рассудил, что заезжать в селения они будут днем и только за провизией. Ночевать в лесу, конечно, тоже невесело, но звери, по мнению Войчи, все же менее опасны, чем Кеевы данники.

Заодно подумалось и о другом. Знай Войча с самого начала, куда им ехать, то не стал бы связываться с неверной лесной дорогой, а потребовал себе лодку, лучше всего с румским парусом. Править лодкой Войча научился еще на севере, а потому не особо боялся даже полноводного могучего Денора. Но вспомнив все слышанное о великой реке, понял, что рассчитывать на лодку нечего. Три беды было на Деноре – огры, Змеи и пороги. Если с ограми был мир, пороги можно как-то обойти, то Змеи, по слухам, сделали Денор совершенно непроходимым, сжигая всех, кто спускался по реке на полдень от Серых Холмов. Так ли это, проверять не хотелось, особенно на собственной шкуре. Итак, оставалось ехать лесом, затем степью, затем... Но о прочем можно подумать и после – так далеко Войча загадывать не привык.

Итак, Войча успокоился и даже принялся напевать вполголоса старую песню, слышанную еще на полночи, о глупом охотнике, который сдуру забрался в самую чащобу и повстречал там целый выводок медведей. Одним словом:

Три медведя справа,
Два медведя слева...

Конец песни Войча не помнил, но догадывался, что охотнику пришлось не очень весело.

День прошел незаметно и быстро. Они миновали два небольших селения. В одном из них, что было чуток покрупнее и почище, Войча велел позвать местного дедича и распорядился приготовить обед. Приказ был выполнен молниеносно – здесь, поблизости от Савмата, с Кеевыми альбирами предпочитали не спорить. Запасливый Войча прихватил кое-какой припас на дорогу, с удивлением заметив, что Ужик почти ничего не ел, выпив лишь немного молока. Войчемир только вздохнул – людей с плохим аппетитом он не уважал и считал попросту слабыми.

Место первого ночлега нашлось само собой – огромная поляна, окруженная столетними дубами. Старое кострище и вбитые в землю колышки свидетельствовали о том, что здесь порой останавливаются – то ли охотники, то ли бортники, а то и лихие люди. Впрочем, Войча не боялся – приходилось ночевать и в куда более опасных местах.

Спать не тянуло. Костер горел весело, светлое пламя освещало стволы огромных, покрытых мхом, деревьев, а над головами светился звездный шатер. Войча привычно нашел Небесного Лося, поискал глазами Лосенка, но вспомнил, что летом, да еще в это время Лосенок

будет виден лишь к утру. Ужик тоже не спал – сидел у костра, обхватив длинными худыми руками острые колени, и глядел прямо в огонь. Внезапно Войче стало жаль парня. Одно дело он, Войчемир, Кеев кмет, другое – этот заморыш, который только и умеет, что пол мести да лягушек ловить. А вот ведь взяли и приказали – иди в этот самый неведомый Акелон...

– Ты это... – начал он, но слова почему-то не слушались.

Ужик оторвал взгляд от костра.

– Ты не бойся, парень! – Войча даже попытался улыбнуться. – Мы это... дойдем.

– Конечно, дойдем, – тон никак не соответствовал смыслу, – Ужик говорил все так же равнодушно и даже безразлично, словно речь шла не о нем самом.

– Ты это... драться умеешь?

– Если без оружия...

Войча открыл рот, задохнулся воздухом, а затем захохотал. Краешком сознания он понимал, что смеяться над заморышем грешно, но сдержаться все же не мог.

– Без оружия! Ну, Ужик! На кулачки, да? Ты как, с одного удара быка, наверно, валишь?

Ужик оставался невозмутим, и Войча наконец немного успокоился.

– Ты вот чего, парень! – заметил он, придавая своему голосу должную значимость. – Мы с тобой не в бабки играем! Здесь без оружия никак. Вот гляди – это меч. Настоящий, франкский. Он мне от деда, Светлого Кея Хлуда достался.

Закаленная сталь блеснула в свете костра. Ужик бросил на меч беглый взгляд и еле заметно пожал плечами.

– Ты слушай! – Войчемир был изрядно раздосадован таким невниманием. – Мужчине без оружия нельзя. Да какой мужчина без оружия! Представь, идешь ты с женой по дороге, а тут есь всякая...

– А что такое есь? – осведомился заморыш самым наивным тоном.

– Есь – это есь! – отчеканил Войча. – Я эту есь рубал немерянно! Еще когда ты пешком под стол ходил! Понял? Еще когда тебя папка с мамкой не придумали!

– Я тебя старше, Войча, – вздохнул Ужик, и Войчемир осекся. А ведь действительно – заморыш только по виду казался мальчонкой. Самому Войче недавно исполнилось двадцать пять, а этому наверно...

– Ну тем более! – нашелся он. – Вон здоровый какой, а меча в руках не держал! Не держал ведь?

– Рахманы не берут в руки оружия...

Войчемир покачал головой:

– Ну вот я и говорю, идешь ты с женой, тут есь налетает. Или иные люди лихие. Хватают твою жену...

– У рахманов не бывает жен...

Войча сплюнул от возмущения, но решил не отступать.

– Ну, с сестрой идешь... И не говори, что у тебя сестры нет! Не у тебя, так у другого, это я для примера. Чего делать-то будешь? Вот-то! Значит, это меч. А вот это – сабля, – сабля была тоже продемонстрирована, причем не без гордости. – Огрская, самая лучшая. Мне ее Сварг, сын Светлого, братан мой дворяродный, подарил. У него жена – дочь самого хэйкана огрского. Из его кладовой сабля!

– А зачем тебе сразу и меч, и сабля?

Войча порадовался вопросу, достойному настоящего мужчины, и принялся основательно пояснять:

– Это для ближнего боя. Меня так сам Халыг Лодыжка учил. А он знаешь как рубится! У-у! Меч – на левый бок, под правую руку, саблю – на правый бок, под, стало быть, левую. Понял? Беру, значит, меч как обычно, а саблю – обратным хватом...

– А что значит – обратным хватом?

Войча вздохнул и принялся разяснять. Честно говоря, выходило это у него не самым лучшим образом. Бойкостью слов Войчемир не блистал, да это и не требовалось альбиру, сила которого, как известно, отнюдь не в словах. Но тот же Халыг Лодыжка умудрялся объяснять самые мудреные приемы, используя вполне понятное и доступное слово «Ы-ы-ы!», подходившее буквально ко всем случаям. До таких высот Войча и не пытался подняться, но своим первым уроком остался все же недоволен. Не то чтобы Ужик слушал невнимательно – такого бы Войчемир не допустил. Но все-таки получалось как-то не очень. А когда Ужик после долгих уговоров все-таки взял в руки меч и попытался стать в стойку, Войча вздохнул и решил, что для начала хватит.

– Ничего! – заключил он самым бодрым тоном. – Я тебя теперь каждый вечер учить буду! Я тебя человеком сделаю, карань!

Трудно сказать, насколько это обещание пришлось по душе Ужику. Войче даже показалось, что заморыш взглянул на него как-то недостаточно почтительно, можно даже сказать с некоторой насмешкой. Но подобного, конечно, быть не могло, и Войчеслав отогнал нелепые подозрения прочь.

– Ладно, – решил он, пряча саблю и укладывая меч поближе – на случай прихода незваных гостей, – пора спать. Только бы нежить не пожаловала...

– Нежить не тронет, – равнодушно бросил Ужик. – Главное – не бояться.

– И все? – поразился Войчемир, слыхавший от бывалых людей нечто совсем противоположное.

– И все. Мне так Патар говорил. Не бойся – и тебя не тронут.

Войча принялся раздумывать об этом важном предмете, но внезапно почувствовал, что его тянет спать. На мгновение мелькнула мысль спать по очереди, но потом он решил, что здесь, в одном переходе от Савмата, опасаться им совершенно нечего. Затем языки костра стали двоиться в глазах, и Войчемир уснул, привычно положив правую ладонь на рукоять меча...

Рука сжала меч, и Войча, еще даже как следует не проснувшись, перевернулся на бок и вскочил, выставив перед собой клинок. Сработала давняя привычка – просыпаться в походе от первого же шума, от первого шороха. Войчемир не мог сказать, что именно его разбудило, но чувствовал – на поляне что-то не так. Наконец он проснулся окончательно и разлепил глаза.

Костер догорал, светя малиновыми углями. Возле него мирно спал Ужик, свернувшись в калачик и укрывшись своим нелепым плащом. Темнота подступила к самому костру, но даже сквозь ночную мглу Войча сразу же разглядел то, что и разбудило его – огромную черную тень, медленно подступавшую от близкой кромки леса. Тень не была беззвучной – ее движение сопровождалось легким шорохом и еле слышным сопением.

Войча подумал было о разбойниках, но тут же понял – перед ним не человек. Мелькнула и исчезла мысль о медведе, вставшем на задние лапы. Нет, не медведь. Медведей Войча навиделся и мог сразу же сказать – то, что шло к ним из темноты, было повыше и пошире в плечах. Именно в плечах – ночной гость чем-то напоминал человека, хотя и ростом и статью все же больше смахивал на очень большого и очень ловкого мишку, привыкшего почему-то ходить на задних лапах.

У костра завозился Ужик, и Войча краешком сознания понял, что его недотепа-спутник проснулся. Это не порадовало – такой того и гляди с воплями убежит в лес, а потом ищи его по медвежьим берлогам и волчьим логовам! Но думать об этом было некогда. Войчемир поудобнее пристроил в руке знакомую рукоять дедова меча и решил ждать, пока чудище подойдет ближе.

Тревожно заржал Басаврюк, ему вторил испуганный Ложок, и Войча подумал, что ко всем бедам им придется искать по ночному лесу коней – если, конечно, будет кому искать. Между тем чудище неторопливо приближаюсь. Шаг, еще шаг... Тот, что пришел из ночной тьмы, двигался совсем как человек, и Войчемир уже мог разглядеть его – громадного, выше

самого рослого из Кеевых альбиров, даже если тот сядет на коня и наденет высокую огрскую шапку. Свет гаснущих углей упал на страшную волосатую морду, на огромные когтистые лапы – и впрямь похожие на медвежьи. Тускло блеснули круглые черные глаза, и у Войчи мелькнула нелепая мысль, что они чем-то похожи на глаза его недотепы-спутника, который, похоже, застыл от ужаса возле костра, не в силах даже крикнуть.

Внезапно ухо уловило странный звук, похожий на тонкий писк. Поначалу подумалось, что это подало голос чудище, но тут же стало ясно – косматая громадина тут не при чем. Да и не к лицу такому питаться! Пищал, разумеется, Ужик – не иначе от конечного, последнего страха, когда голос пропадает вместе с разумом.

Войче тоже было страшно. Вывали сейчас на поляну дюжина грязных разбойников с топорами и кольями, он лишь усмехнулся бы и сотворил в этой толпе улочку, а затем и переулочек. Но это... Короткий меч вкупе с рукой был куда короче когтистой лапы, а о сабле и говорить не приходилось. Был бы двуручник – заветный двуручник, о котором Войчемир мечтал с самого детства! Но прикинув длину лап того, кто пришел к их костру, размах могучих плеч, заметив блеснувшие в неверном ночном свете клыки, Войча сообразил – двуручник тоже ни к чему. Не поможет. Разве что копье...

Писк повторился. Войча на миг повернулся, заметив, что Ужик уже успел выбраться из под плаща и сесть у гаснущих углей, поудобнее опершись на локоть. Странно, но вид у него был вовсе не испуганный. Впрочем, Войча знал, что в такие минуты человек коченеет внутри, хотя внешне выглядит вполне даже прилично. Мельком пожалев беднягу – выпало же такое недотепе! – Войчемир вновь повернулся к врагу, заранее расслабляя кисть, чтобы бить сразу, наверняка – и замер. Чудище стояло. Оно было теперь всего в нескольких шагах, и Войча уже отчетливо слышал его дыхание – тяжелое, ритмичное, словно работающий кузнечный мех.

По лбу лился пот. Войча быстрым движением ладони вытер его, чтоб не затекал в глаза, и чуть не застонал от нетерпения. Лучше любая драка, любой бой, чем такое ожидание! Но, странное дело, чудище вроде бы и не собиралось нападать. Оно лишь стояло и смотрело на умирающий костер и двух людей возле него. В больших черных глазах нельзя было заметить ни гнева, ни голодной жадности, и Войче подумалось, что косматый похож скорее на гостя, а не ночного охотника.

– Ты его за орехами пошли.

Бредовая фраза ударила, словно обухом. Войчемир дернулся, бросив безумный взгляд на того, кто мог ляпнуть такое и в такую минуту. Ужик по прежнему сидел возле костра, но смотрел уже не на страшного гостя, а в безмолвное звездное небо. Войча решил было, что парень попросту спятил от страха, но тут же сообразил – нет, так с ума не сходят. Тогда что это значит? Почему за орехами?

Минуты текли, косматый не двигался с места, по-прежнему разглядывая людей, и рука Войчи, которой он сжимал бесполезный меч, начала потихоньку затекать. Атаковать было безумием, отступать – некуда, и Войчемир решился:

– Ну ты! – выдохнул он, надеясь звуком голоса пугануть незваного гостя. Получилось не очень страшно. Голос Войчи, обычно громкий и густой, прозвучал неожиданно хрипло, срываясь на писк – совсем как у Ужика. В ответ послышалось рычание. Чудище наклонило огромную круглую голову, прислушиваясь.

И тут Войче вспомнились нелепые слова его нелепого спутника – достаточно не бояться, и лесная нежить не подступится. Внезапно мысль показалась не такой уж безумной.

– Ну чего? – Войча заставил себя усмехнуться. – В гости пришел? Тогда чолом!

В ответ – снова рычание, но уже погромче. И тут Войчемир подумал, что чудище может не понимать по-огрски.

– Здоров будь! – повторил он на родном сполотском. – Ежели в гости – так чего без подарков?

– Орехов! – вновь донеслось сбоку.

– Во! – окончательно осмелел Войча. – Орехов принес бы, что ли! Сейчас самая пора!

Оставалось ждать, что будет дальше. Звери часто не решаются нападать, слыша людской разговор. Войча по опыту знал, что кабаны – и те отступают, когда людей двое, и они держатся смело. Правда, перед ним стоял не зверь, а нечто иное, но все же... Войча постарался отогнать от себя последние отголоски страха. Не бояться – так не бояться! Ему ли, потомственному Кею, альбиру Светлого, страшиться какой-то лесной нечисти, косматого пугала...

И тут случилось то, что Войча менее всего ждал. Ночной гость исчез. Не отступил, не убежал, а попросту сгинул. Не зашелестела трава, не скрипнули ветки – поляна стала мгновенно пуста, словно двум людям привидился кошмарный сон. Войча протер глаза, но убедился, что зрение не подводит – возле кострища никого нет, кроме, разумеется его самого, худосочного Ужика и привязанных чуть в сторонке коней.

Оставалось присесть прямо на траву и произнести что-то среднее между «Уф!» и «Фу!», что Войчемир и сделал. Вовремя – ноги начали предательски подрагивать. Хотелось, конечно, высказаться более определенно, хотя бы проорать привычный боевой клич Кеев, но сил на это уже не было.

– Он скоро вернется, – Ужик как ни в чем не бывало подкинул в малиновые угли несколько сухих веточек. – Он где-то близко живет. Они редко далеко от своих мест отходят.

– Он-ни? Вернется? – Войча чуть не подпрыгнул – Кто? Этот?

– Чугастр. – Ужик перевернулся на спину и вновь принялся разглядывать созвездия. – Они добрые...

– Чугастр?!

О чугастрах Войча слышал, хотя видеть их до этого не доводилось. В Савмате каждый охотник знал, что страшнее чугастра в лесу никого нет – разве что навы, но о тех и днем-то говорить опасались. О чугастрах же рассказывали одно и то же – злы, беспощадны и крайне умны – умнее всех зверей. Поговаривали даже, что некоторые из чугастров – вообще оборотни, и с такими встретиться – все равно что попасть в конце зимы прямиком в голодную волчью стаю.

– А... А почему он вернется? – перевел дух Войча.

– Так ты же его за орехами послал, – Ужик перевернулся на живот и дунул на разгорающееся пламя.

– Ага... Да... За орехами... – Войчемир ощутил в животе предательский холодок. – А ты Ужик, ничего, молодец! Не струсил!

Признаться, Войча так не думал, помня испуганный писк, но считал своим долгом похвалить парня – хотя бы за то, что тот не побежал, и теперь его не надо искать по чащобам. Да и опыт подсказывал: после первого боя воина следует хвалить – в любом случае.

– Так ты же со мной был! – глаза Ужика наивно мигнули. – Ты же альбир!

– А! Ну да! Это конечно! – Войча ощутил нечто вроде гордости. – Чего мне этого космача бояться-то! Ты, Ужик, будь спокоен! Я тебя в обиду не дам!

Войча хотел произнести целую речь о том, кто есть альбир и почему альбиры Светлого – самые храбрые и сильные, но тут сзади послышался знакомый шорох.

Через мгновение меч уже был в руке а заодно – сабля, о которой Войча в первый раз попросту позабыл. Но чугастр был уже рядом – огромный, косматый. Черные глаза смотрели ровно и спокойно, а громадные когтистые лапы тянулись к людям.

– А! – Войчемир отскочил в сторону, соображая, что бедняге-Ужику, видать, конец – не убежит.

Чугастр широко шагнул к костру, наклонился, протянул лапы и... положил на землю что-то большое. Войча сглотнул: шкура. Большая шкура, не иначе кабанья, полная... Орехов!

Меч сам опустился вниз, за ним последовала огрская сабля. Между тем Ужик, как ни в чем не бывало, взял из кучи один из орехов и с хрустом раскусил.

– Хорошие, – сообщил он, даже не оборачиваясь, – Угощайся, Войча!

Еще не очень соображая, что делает, Войчемир послушно положил оружие и потянулся к шкуре. Нащупав горсть орехов, он одеревяневшими руками содрал остатки прилипшей к скорлупе зелени и отправил орех в рот. В последний момент он сообразил, что скорлупу глотать не надо, и начал поспешно выплевывать мелкие осколки.

Все это время чугастр спокойно ждал, стоя в двух шагах от костра. Огромные когтистые лапы смирно висели вдоль могучего тела, а блестящие черные глаза светились ровным доброжелательным интересом.

– Сыроваты немного, – Ужик попробовал еще один орех и кинул скорлупу в костер. – Не успел подсушить. Ладно, пусть идет!

Войча в первый миг даже немного обиделся за их ночного гостя. Сперва послали за орехами а затем прогоняют, даже спасибо не сказав! Однако что-то делать было надо, и он, обернувшись к чугастру, принял как можно более солидный вид, прокашлялся и нахмурил брови:

– Так что, спасибо...

Войча чуть было не ляпнул «мил-человек», словно ночное страшилище было обыкновенным купчишкой, поднесшим Кееву альбиру свой скромный дар. Но «мил-человек» никак не подходило к данному случаю, поэтому Войчемир еще раз повторил: «Спасибо!» и, подумав, добавил: «Ну иди, чего стоишь?»

Вышло плохо – хуже некуда. Будь сам Войча на месте косматого незнакомца, то обиделся бы смертельно – с весьма печальными последствиями для обидчиков. Но чугастр, похоже, оказался куда более покладистого нрава. Он склонил свою круглую ушастую голову, прислушиваясь, и тут вновь раздался писк. Чудище попятилось и – Войча и глазом моргнуть не успел – сгнуло. Там где только что стоял огромный косматый гость, была лишь чуть примятая высокая трава. Облегченно заржал молчавший все это время Басаврюк, ему ответил Ложок, и Войча вновь без сил опустился у костра.

Ужик между тем уже успел набросать в костер дровяной мелочи и глядел в огонь, время от времени протягивая свою худую длинную руку в сторону орехов.

– Поспим? – осведомился он, даже не повернув головы. – До рассвета еще часа два.

Войче было не до сна. Хотелось спросить о многом – почему Ужик пищит, словно какая-нибудь землеройка, не вернется ли чугастр, а главное – что же это делается на белом свете? Но вопросы все не складывались. Между тем Ужик, прикончив еще несколько орехов, сонно потянулся:

– Посплю, наверно... Надо было сказать, чтоб меду принес...

– Меду? – Войча опасливо покосился в сторону леса.

– Ага. Чего ему, такому дылде, стоит? Нашел бы дупло...

– А почему... почему он людей слушается? – вопрос наконец-то оформился и скатился с языка.

– А он не людей слушается, – Ужик накинул на голову свой нелепый черный плащ и стал поудобнее пристраиваться у костра. – Он тебя послушался. Силу чует! Ты же альбир!

Войчемир почесал затылок и, поразмыслив, решил, что заморыш прав. Почуяло чудище, что перед ним не кто-нибудь, не лесовик вшивый, не купчишка пугливый, а Кеев кмет, да еще Кеева рода! Надо ли говорить, что Войча ощутил нечто вроде гордости. Это уже не есь, которую он гонял под Ольмином! Это даже не лешак пуганный. Чугастр! Войча лишь жалел, что в Кей-городе ему попросту не поверят. Разве что Ужика с собой водить – как верного свидетеля.

Наутро ночные страхи показались пустыми. Лес звенел веселыми птичьими голосами, ярко светило раннее летнее солнце, и дорога вновь виделась простой и легкой. Так, собственно,

оно и было. И этот день, и следующий, и еще целую неделю путешественники шли на полдень без всяких приключений. Точнее, шел Ужик, ступая босыми ногами по дорожной пыли, а Войчемир не спеша ехал на Басаврюке, напевал песенку про трех медведей справа и двух – слева, лениво прикидывая, как уговорить своего бестолкового спутника сесть на Ложка. Но заморыш оставался тверд в своем нелепом упорстве, и Войча, в очередной раз помянув загадочную «карань», оставлял все как есть.

Временами то сзади, то сбоку небо хмурилось, пару раз до путников доносились отдаленные раскаты грозы, но им везло – непогода обходила стороной, что очень радовало Войчу. Он твердо решил по возвращении посоветоваться с чаклуном – не с Ужиком, конечно, а с настоящим – какому из богов – не самому ли Золотому Соколу? – надо вознести должную жертву.

Конечно, все это не значило, что они шли, не встречая трудностей. Их как раз хватало. И главной трудностью для Войчи оставался Ужик. В первые дни села, маленькие, на два-три дома, а то и землянки, встречались каждый день. Войча, не стесняясь, набирал на день провизии, а Ужик пил немного молока, заедая лепешкой – настоящий хлеб в этих диких местах печь не умели. Вечером у костра он съедал несколько оехов, категорически отказываясь от запасов, взятых Войчей. Оставалось ждать, пока заморыш свалится прямо в дорожную пыль от недостатка сил, но каждое утро Ужик как ни в чем не бывало отправлялся в путь, шагая рядом с Ложком, который за эти дни привязался к нему, как собачонка, хотя странный парень даже не глядел в его сторону. Но вот настал день, когда им не встретилось ни села, ни дома – до Савмата было уже далеко. Войча был готов к такому обороту. В сумках, притороченных на спине Ложка, хватало припасов, самых разных, но прежде всего мяса – отличного копченого мяса, которое Войча лично выбрал в дворцовой кладовой в вечер перед отъездом, когда гридень передал ему приказ Светлого – готовиться к походу, а наутро зайти к нему для получения задания. Итак, припасов хватало, но в первый же день, точнее вечер, когда Войчемир не без гордости извлек из сумы отменный кус копченой оленины, из-за которого ему пришлось сказать пару грозных слов холопу, ведавшему запасами (видать, тот и сам примеривался к этакому кусищу), Ужик проявил характер. К изумлению Войчи заморыш твердо заявил, что мяса есть не будет. Вначале тот не понял, решив, что парень переел орехов, но Ужик пояснил, что дело не в орехах, а в мясе. Пораженный Войча поспешил принюхаться – не тухлятину ли подсунули? – но дело оказалось еще хуже. Оказывается, пояснил Ужик, рахманы мяса не едят. Вообще не едят – ни копченого, ни жареного, ни вареного. Войча не выдержал и, проявив несвойственное ему чувство юмора, поинтересовался, как насчет мяса сырого. Нет, сырое мясо рахманы тоже, как выяснилось, не употребляют. Сообщив эту немаловажную подробность, Ужик достал из сумы горсть орехов и принялся за трапезу.

Войчемир уже открыл пошире рот, дабы отдать точный и недвусмысленный боевой приказ, но в последний момент передумал. Приказ-то отдать можно, но Войча твердо помнил, что командир должен отдавать лишь такие приказы, которые будут выполняться. А ежели этот придурок упрется? Побить? Войча смерил хмурым взглядом Ужика, спокойно уплетавшего орехи и молча покачал головой. Такой от одного удара лапти откинёт, а что потом делать? Во-первых, в одиночку ему Акелон сыскать, а во-вторых, жалко. Не для того он, Войчемир сын Жихослава, Кей и самого Светлого альбир в поход послан, чтобы подобную мелкоту в Ирий отправлять. А посему рассудил Войча мудро – Ужика не бить, в споры больше не вступать, а подождать, пока малец оголодает. А вот тогда уж и спорить не придется.

План был хорош. Оставалось ждать, причем, как был уверен храбрый альбир, совсем недолго.

И действительно, на следующий день, а точнее – вечер (днем они лишь легко перекусывали остатком сухих лепешек) Ужик не стал доставать из сумки орехи. Заметив это, Войча хмыкнул и предложил попробовать оленины. Однако недотепа-Ужик олениною не соблазнился, а вместо этого полез в седельный мешок и достал оттуда свою котомку, ту самую, в которую

как раз мог влезть не особо упитанный еж. Порывшись, Ужик достал из нее тонкую бечевку, к концу которой был привязан крючок, после чего заявил, что сходит порыбачить, благо приметил совсем рядом небольшое озерцо.

Войча поглядел на потемневшее вечернее небо, прикинул, что клев давно кончился и посоветовал Ужику этим самым крючком наловить комаров на болоте, а уж ими и ужинать. Совет этот свидетельствовал о том, что чувство юмора у Войчемира в последние дни развилось в невероятных размерах – причем именно из-за его нелепого спутника.

Ужик, даже не улыбнувшись, кивнул и отправился куда-то по узкой лесной тропе. Войча, усевшись поудобнее у уютного костра, принялся за оленину, предвкушая близкую победу. Он начал не торопясь готовить небольшую нравоучительную речь, которая послужит приправой к ужину. Войчино настроение настолько улучшилось, что он вновь затянул любимую песню про медведей и даже вспомнил-таки последний куплет, в котором говорилось о том, что осталось от глупого охотника:

Один лапоть справа,
Другой лапоть – слева,
Шапка на березе,
А зипун на ели.

Войча с чувством, хотя и вполголоса, допел эту поучительную песню, поднес ко рту очередной кусок ароматного мяса и... застыл. Из лесу спокойной неторопливой походкой выходил Ужик, неся в руках небольшую ветку, на которую были нанизаны проткнутые сквозь жаберы рыбы. Не одна, не две – целых три, причем очень даже не маленькие. Какие именно – леши или сазаны – Войча от изумления даже не понял. Он уронил кусок мяса, сглотнул и принялся очумело глядеть на Ужика. Тот между тем деловито насадил каждую рыбу на импровизированный вертел из подходящих по размерам веточек и ловко приладил все это над костром.

Оставалось одно – молчать. Молчать и наблюдать, как рыбы покрываются ароматной корочкой, как недотепа-Ужик аккуртно снимает их с огня... Наконец, он поделил рыб пополам, разломив одну из них надвое, причем большая половина была предложена Войче.

Отважный альбир от рыбы не отказался, но спасибо не сказал и вкуса не почувствовал. Выходило что-то поистине несуразное. Но не спрашивать же сопляка, как он умудрился поймать этих красавцев, да еще в такой срок, за который и жабу-то не изловишь. Однако об этом Войча не спросил, а поинтересовался со всевозможной язвительностью, можно ли рахманам есть рыбу. Ведь рыба, если присмотреться, тоже мясо.

Ужик согласился с этим умозаключением, сообщив, что обычно рахманы – и ученики рахманов – рыбу не едят. Но Патар разрешил ему в походе рыбу вкушать. В виде исключения – и только в редких случаях. А тут случай как раз подвернулся – озеро рядом и полно стрекоз. На стрекоз же, а особенно на их личинок, любая рыба ловится.

Войча плохо помнил, когда стрекозы выводят личинок, но решил не спорить. Он был слишком подавлен, решив больше не заводить разговора о мясоедении.

Итак, вопрос был если не решен, то отложен, и несколько следующих дней прошли совершенно спокойно. Гроза, в очередной раз прогрохотав на горизонте обошла стороной, чугастры, равно как иная лесная нежить, в гости не наведывались, а лесная дорога вела прямо на полдень – к загадочному Акелону.

Крепость появилась неожиданно. Дорога сделала резкий поворот, вынырнув из лесной чащи, и тут же глазам открылась синяя гладь небольшой речушки, а чуть дальше – черные бревна старого частокола. Это была даже не крепость, так, острожек, в котором едва умещалась дюжина кметов. Да и название она имела странное – Кудыкина Гать. Впрочем, насчет

Кудыкиной Войча не был твердо уверен. Может не Кудыкина, а Гадюкина. Но что Гать – так это уж точно.

Про эту Кудыкину-Гадюкину крепость Войча начал рассказывать еще дня за два до того, как дорога привела их к старому частоколу. Гать с ее дюжиной кметов за старым частоколом – последний оплот Кеевой власти на их пути. Более того, оплот важный. Войчемир с видом опытного полководца пояснил, что ценность укрепления вовсе не в размерах. Для окрестных лесовиков и этого за глаза хватит, а главное, Гать – важный сторожевой пост аккурат на пересечении двух дорог. Достаточно послать голубя с красной тесемкой на лапке – и в Кей-городе уже начнут собирать войска. А дюжина храбрецов за частоколом имеет полное право и даже обязанность героически пасть, задержав врага, за что их впоследствии воспоют в песнях и помянут в молитвах.

В крепости их встретили радушно. Войча уже как-то бывал здесь, когда приводил из Савмата очередную смену и хорошо помнил старшего кмета – пожилого длиннородого Нелюба. Несмотря на такое имя, старший кмет встретил гостей из Савмата, как полагается. На обед кроме кувшина настоящего румского вина, что уже само по себе было чудом для здешней глуши, был подан огромный осетр. Развеселившийся Войча подмигнул Ужику, поинтересовавшись не на стрекозью ли личинку этот осетр попался. К сожалению, и на этот раз Ужик не оценил тонкий юмор Войчемира, оставшись совершенно невозмутимым, зато Нелюб, догадавшись, что гость шутит, громко захохотал, чем отчасти утешил храброго альбира.

День отдыхали, а на следующий, точнее на следующее утро, Войча умылся до пояса, дабы в голове прояснилось после вчерашнего пиршества, после чего отправился искать своего непутевого спутника. Ужика он нашел на берегу речки – парень сидел на коряге и смотрел куда-то вдаль. Войчемир решил, что лучшего места для важного разговора и не придумать.

– Чолом! – бросил он, усаживаясь рядом с корягой прямо на песок. – Отдыхаешь? Отдыхай, отдыхай, завтра выступаем!

– Ага...

Такое равнодушие озлило Войчемира.

– Ага, ага! Ты хоть подумал, куда нам идти?

– На полдень...

Войча хмыкнул – вот тут-то он и прищучит мальчика!

– А какой дорогой? Дороги-то две!

– Которая на полдень ведет...

– Да они обе на полдень ведут! – хохотнул довольный Войчемир. – Следопыт!

– Не обе, – все так же вяло отреагировал недотепа-Ужик, – одна, которая до переправы, идет между полднем и восходом.

– Гм-м...

Войча понял, что Ужика этим не взять, и решил говорить серьезно.

– Тут вот какое дело получается. Мне Нелюб, который здесь старший, кой-чего рассказал... Дороги две – одна к старой переправе, а от нее потом еще одна ответвляется – прямо на полдень...

– Это далеко. Недели полторы потеряем...

– Ага! – вновь вскинулся Войча. – Потеряем! Потому что ты, олух, пешком ходишь! Зато живы останемся. Дорога, которая на полдень, знаешь через что идет?

– Через лес...

– Через лес! – возмутился Войчемир. – Да ты знаешь, что это за лес? Это же Навий Лес!

– Ну и что?

Действительно, «ну и что?» Конечно, такое мог сморозить только Ужик.

О Навьем Лесе Войча слышал еще в Савмате. Поговаривали, что человеку туда лучше не соваться. Одно слово – Навий. Живых людей там почти и не встретишь. А уж насчет неживых...

– Мне Нелюб вот чего сообщил, – Войча решил говорить строго, по-военному. – Места здесь гиблые. В этом году уже двое пропали – прямо на конях и с полным вооружением. Дальше Навых Полян сейчас никто и не суется. Даже местные, лесовики которые, и те ушли. Было тут село, маленькое, прямо посреди леса, так оттуда уже год как вестей нет. А чего удивляться? Навы – они есть навы!

– А чего – навы? – Ужик лениво пожал своими узкими плечами. – Тебя чугастр – и тот слушается. Подумаешь – навы!

Войча только и нашелся, что хмыкнуть. Это уже слишком даже для Ужика. Чугастр, конечно, не подарок, но он хоть из костей и мяса, а вот навы...

– Жалко их, – как ни в чем не бывало продолжал недотепа. – И помог бы, да как?

– У пчелки жалко! – рассвирепел Войчемир. – Жалостник нашелся! Да знаешь, сколько людей из-за них погинуло!

– От страха все это, – Ужик вздохнул и отвернулся. – Ты же их не боишься, альбир?

«Я?!» – хотел было возмутиться Войча, но прикусил язык. Бояться-то он не боялся – не положено ему бояться, но все-таки... И кроме того, с чего это Ужик его альбиром назвал? Намакал, что ли?

Вопрос этот оказался слишком сложным, и Войчемир решил зайти с другой стороны.

– Мне Нелюб говорил, будто село, то что в лесу, не просто так погинуло. Нет от разбойников и не от хвори. Опыр, говорят, там завелся...

– Упырь? – Ужик даже не соизволил повернуться.

– Ага! – Войча перешел на шепот, будто зловредный «опыр» мог их подслушать. – Пришел год назад в это село чужак – то ли разбойник, то ли вообще кобник, захворал и помер. А они, дураки, гроб осиной не забили и маком не посыпали. Ну и... В общем нечего нам с тобой, Ужик, на той дороге делать. В обход пойдем. Посажу я тебя на Ложка...

– Нет...

– То есть как это, нет!? – возмутился Войчемир уже в полный голос. – Не нет, а да! А не захочешь – привяжу!

– Змеи...

– Что?! – не понял Войча, в первый миг подумав о гадюках и прочей мелкой нечисти.

– Огненные Змеи, – Ужик повернулся, и его темные глаза внезапно блеснули. – Там степь, Войча. Раньше Змеи не залетали дальше Серых Холмов, но в последнее время что-то случилось. В степи не скроемся...

Сказано это было веско и строго – словно и не Ужик говорил, а кто-то постарше да и поумнее.

– Змеи? – Войча даже растерялся. – А ведь верно! И Нелюб мне говорил, что видели Змея. Совсем близко. Вначале думали, зарница... Постой, да ведь нам все равно через этих Змеев идти!

Эта мысль пришла Войче только что, хотя не грех было сообразить и раньше. Ведь если направляешься от Савмата на полдень то как ни крути, а упруешься в Серые Холмы, а за ними – Змеева Пустыня!

Ужик кивнул – так же серьезно и строго.

– Да. К сожалению. Но через лес – безопаснее. Чем позже мы их встретим, тем больше надежды...

На что именно, сказано не было, но догадаться оказалось несложно – даже Войче.

– А-а-а... Ты сам их видел? – все еще сомневаясь, поинтересовался он.

– Да.

– И... И что?

– Это смерть, Войча! – глаза парня потемнели и стали совсем взрослыми. – Понимаешь? Смерть!

Больше Войча спрашивать не решился. Дело и так становилось ясным – куда ни кинь, всюду клин.

Войчемир думал все утро, весь день и весь вечер. Думал за обедом, за ужином и даже после ужина. От непривычного занятия он чувствовал себя совсем скверно, но в конце концов решение было принято. Когда на следующее утро они вывели отдохнувших и отъевшихся на даровом овсе коней из стойла и распрощались с гостеприимным Нелюбом, Войча молча кивнул в сторону дороги, которая вела через лес. Не то, чтобы нравились ему больше Змеев. Но недотепа Ужик лесной дороги не боялся – а это уже хорошо, и кроме того, может нежить и впрямь испугается его, славного Кеева альбира? Больше надеяться было в общем-то и не на что.

Навий Лес встретил путников приветливо. Войча ожидал увидеть мрачную чащу, полную поросших серым мхом столетних дубов, сквозь кроны которых не пробивается солнце. Но ничего такого он не заметил. Громко пели птицы, дорогу ярко освещало веселое летнее солнце, а мрачных старых дубов было ничуть не больше, чем в любом лесу возле Кей-города. Правда, совсем рядом находилось болото – то самое, навье, но дорога вела мимо, и даже вездесущее комарье почему-то, не иначе по забывчивости, оставило людей, а заодно и коней, в покое. Войча повеселел. Вскоре он уже окончательно убедился в собственной мудрости. Лес оказался обычным лесом, а ежели его народ побаивается, так это даже лучше – меньше риска встретить ватагу удалых разбойничков-станичников, которые ничуть не лучше нежити.

Первая ночевка прошла совершенно мирно, что окончательно успокоило Войчемира. Правда, сквозь сон ему казалось, что он слышит женские голоса, далекую грустную песню и даже плач, но в подобном месте может присниться и не такое.

На следующее утро дорога внезапно стала уже, перейдя в обычную тропу, по которой и в одиночку ехать было неудобно. Подумав, Войча слез с Басаврюка и повел его в поводу, осторожно вглядываясь в лесной сумрак. Однако ничего опасного заметить было нельзя, разве что птицы смолкли, и кроны над головой сомкнулись, образуя мрачный темно-зеленый свод. Пару раз Войча украдкой оглядывался, чтобы убедиться, как дела у недотепы-Ужика, но тот спокойно мерял босыми ногами лесную тропу, а за ним, словно привязанный, трусил Ложок. Успокоившись, Войча совсем уже собрался затянуть песню о трех медведях, как вдруг услышал шепот.

Шепот возник словно ниоткуда – из воздуха, и лесного сумрака. Он доносился со всех сторон – спереди, сзади, с боков и даже, казалось, сверху. Вначале Войче подумалось, что это у него звенит в ушах, но вскоре он окончательно убедился – уши в полном порядке, и он слышит именно то, что есть – мягкие, словно обволакивающие голоса, которые доносились отовсюду и звали, звали, звали... Куда? От такого вопроса кожа сразу же пошла мурашками. Войча дернулся и резко оглянулся, словно пытаясь увидеть, тех, кто шептал ему непонятные слова, но никого не заметил. Кроме, конечно, Ужика, который преспокойно шлепал босыми ногами по тропе. Войча хотел было окликнуть недотепу, но постыдился. А ежели ему и в самом деле чудится?

Но шепот не стихал. Более того, он становился все отчетливее, и Войча уже мог слышать мягкие женские голоса. Вскоре из общего хора стали доноситься отдельные слова – понятные и ясные:

– Войча! Войча! Иди! Иди к нам!

Войчемир рывком сунул руку за пазуху, где на крепкой бечевке висел его давний оберег – громовой камень, найденный у Ольмень-озера, и крепко сжал его в кулаке. На миг полегчало,

голоса отступили, слившись в далекий невнятный хор, но затем все вернулось, и вот в ушах вновь зазвучало:

– Войча! Войча! Иди к нам!

Войчемир затравленного оглянулся, вновь никого не заметил – кроме все того же беззаботного Ужика – и понял, что дело плохо. Тем более и Басаврюк стал вести себя странно. Он уже давно шел подозрительно смирно, а теперь начал дрожать – мелко, как-то обреченно, словно почуял волчью стаю.

– Иди! Иди к нам! – не смолкали голоса, и Войче стало чудится, что из всех он узнает один – тот, что уже слышал когда-то, но никак не может вспомнить, когда и где. От этого голоса ему становилось не по себе, но одновременно Войча чувствовал, как по телу разливается странная истома. Его ждали... Его хотели – как не хотели еще никого в мире.

– Войча! Свет мой! Мой сокол! Иди! Иди ко мне...

– Ужик! – заорал Войча дурным голосом, чувствуя, что еще немного – и он бросится прямо в лесную чащобу. – Ужик! Урс, Косматый тебя побери!!

– Ау? – послышался сзади ленивый скучающий голос недотепы.

– Я тебе дам «ау!» – выдохнул Войчемир. – Ты чего, не слышишь, что ли?

– Слышу, зачем кричать? – Ужик не спеша отогнал от конской шеи какого-то излишне нахального слепня. – Ложка напугаешь.

– Ложка! – Войче показалось, что он сходит с ума. – Разве ты не слышишь? Зовут!

– Меня? – Ужик даже остановился, прислушиваясь. – Нет, вроде...

– Да не тебя! Меня!

На лице Ужика выразилось нечто, напоминающее удивления.

– Да кому здесь звать-то?

На такой вопрос ответить было нелегко, и Войча умолк. И сразу же нахлынули голоса – еще громче, сильнее. И среди них тот, памятный. Он звучал совсем рядом, почти у самого уха:

– Иди ко мне! Иди ко мне, мой желанный...

– Урс! – завопил Войча, чувствуя, что быть беде. – Ты же чаклун! Помоги! Пропаду!

– Ты?! – Ужик вновь остановился и внезапно хмыкнул:

– А! Понял! Зеленый шум!

– Чего? – от неожиданности Войча выронил повод, и Басаврюк испуганно дернулся в сторону.

– Зеленый шум! Голоса повсюду, женщины зовут...

– Да! Да!

Ужик рассмеялся – чуть ли не впервые за все время их путешествия.

– Это ты, друг Войча, в лесу мало жил. Когда долго в лесу ходишь, то начинает всякое мерещиться...

– Да не мерещится мне! – обреченно вздохнул Войчемир. – Слышу... Зовет...

– Значит так... – Ужик на миг задумался. – Зажми нос двумя пальцами и постарайся продуть уши...

– Как?!

– Продуть. Ну, как после ныряния, когда вода в уши попадает.

Войча мог бы конечно возразить. И не просто возразить, а доказать этому недотепе-сопляку, что в лесу он бывал часто, иногда по месяцу-два, и никакие голоса ему не чудились, а ныряние тут совершенно ни при чем. Но... Не до спору было Войче в эту минуту! Он зажал нос двумя пальцами, да так, что больно стало, представил себя на берегу речки, дунул, еще дунул...

– Ну как?

Войча осторожно отпустил свой изрядно покрасневший нос, оглянулся, прислушался – и ничего не услышал. Точнее услышал то, что и должно быть – далекие голоса птиц, шум ветра в высоких кронах и даже громкое дыхание Басаврюка.

– Не зовут! – закричал он, не помня себя от радости. – Не зовут! Не зовут!
– Ну конечно не зовут! – рассудительно заметил Ужик. – Кому тут звать-то?

Но Войча уже опомнился. То, что не зовут – это хорошо, а терять лицо перед Ужиком не должно.

– И ладно, – заключил он как можно рассудительнее, – Пошли, однако...

Шагая по лесной тропе и с удовольствием прислушиваясь (и с еще большим удовольствием не слыша ничего, кроме обычного лесного шума), Войча все же ощущал какое-то неудобство. Подумав, он сообразил – надо было все же поблагодарить Ужика за совет. Конечно, невелика хитрость – уши продуть, но помогло же! Однако благодарить за такую безделицу следовало сразу, и Войчемир решил, что обойдется и так.

Вечером, у костра, Войче вновь стало немного не по себе. Поляна попалась как раз такая, какой она по мнению Войчемира должна быть в подобном лесу: огромная, окруженная молчаливыми старыми деревьями – естественно, поросшими седым, белесым мхом. В высокой траве не было ни следочка – даже звериного. Вдобавок совсем близко оказалось болото. Войча и рад бы найти другой ночлег, но как на зло почти до самой темноты тропа шла по узкому проходу между деревьями-великанами, и другого ночлега отыскать не удалось. Бегло осмотрев подозрительную поляну, Войчемир мог поклясться самым Золотым Соколом, что они с Ужиком первые, кто здесь разводит костер – во всяком случае, за много лет. Итак, люди, да и звери, здесь не бывают. О прочих Войчемир решил пока не думать, но поневоле вспомнил о загадочной Навьей Поляне. Не туда ли они попали?

Ко всему прочему прибавилось еще одно – Ужик замолчал. Он и раньше не отличался разговорчивостью, а в этот вечер превзошел самого себя. Покачивая головой в ответ на очередное предложение не дурить и поесть мяса, на этот раз кабанятины, он вынул из своей котомки все ту же бечевку с крючком и молча направился куда-то в лес. Войча уже не удивился, когда его странный спутник вернулся с парой здоровенных рыбин и в таком же полном молчании принялся печь их на углях. Пару раз Войчемир, которому от всего этого становилось мутно, пытался завести беседу – о дороге, о своем житье-бытье в далеком Ольмине и даже о навах, хотя их-то поминать совсем не следовало. Ужик невозмутимо слушал, а на вопросы лишь молча разводил свои худыми руками, показывая, что сказать ему совершенно нечего. Поев, он завернулся в свой нелепый черный плащ и мгновенно уснул, оставив Войчемира наедине с его невеселыми думами.

Войча обиделся. Он не ждал от недоростка особого вежества, но такое полное равнодушие все же огорчило. Войчемир решил, что делать нечего, и улегся боком к костру, рассчитывая, что дым хотя бы на какое-то время отгонит комарье с близкого болота. Уже засыпая, он не без удивления отметил, что не слышит поганого писка – не иначе в эту ночь болотные комары оказались почему-то заняты в ином месте...

– Войчемир... Войчемир... Мы здесь... Мы здесь...

Странные голоса пришли сразу – вместе с темным забытьем. Сквозь сон Войча слышал знакомый хор. Его звали, его ждали, его желали – и как желали! Причем ждали и желали не просто случайного прохожего, а именно его – храброго альбира Войчемира сына Жихослава. Ждали многие годы, и вот наконец...

– А?! – спросонья рука привычно схватила меч. Войчемир быстро привстал и оглянулся, опасаясь – или надеясь – увидеть рядом что-нибудь скверное, но знакомое – хотя бы чугастра. Того можно и за орехами послать! Но ни лихих станичников, ни косматого гостя на поляне не было. Был все тот же недотепа-Ужик, спавший, свернувшись под своим черным плащом, кони, привязанные у ближайшего дерева, и, конечно, сама поляна. Сейчас, в неверном свете молодой Луны, она казалась еще больше. Деревья у ее края стали словно повыше, трава светилась чистым серебром, а от близкого болота тянулись легкие клочья тумана. Было красиво и очень тихо.

Спать почему-то расхотелось. Войчемир хлебнул воды из полупустого меха и устроился поудобнее у погасшего костра, размышляя о нелегкой доле Кеева кмета. А еще говорят, что Кеевы альбиры зря хлеб едят! Войча вздохнул и совсем уже собрался на боковую, как вдруг почувял – на поляне что-то не так.

Внешне все было по-прежнему, разве что лунный свет стал ярче, и туман – погуще. Но Войча ощутил давнее, привычное чувство опасности. Нет, шалишь! Он поудобнее пристроил меч под правой рукой, саблю – под левой и крепко протер глаза. Спать в такую ночь не следовало...

Туман становился все гуще, Луна светила все ярче, а вокруг стояла тишина – полная, мертвая, поистине навья. И вот Войчемиру стало казаться, что клочья тумана медленно двинулись с места, подступая ближе к костру. Он вновь протер глаза. Нет, почудилось! Войча еле успел перевести дух, как вновь застыл – проклятый туман все-таки двигался. Вернее, туман стоял на месте, но что-то двигалось внутри него – сначала медленно, затем все быстрее, быстрее. Войче начало казаться, что он различает призрачные силуэты...

«Ужик!» – чуть было не позвал он, но в последний момент сдержался. Что толку от недотепы? Пусть спит себе, рыбу переваривает...

Войча сцепил зубы и решил ждать. Теперь он уже видел тех, кто кружился в странном беззвучном танце. Девочки – совсем маленькие, и чуть постарше, точнее их бледные, размытые силуэты, сквозь которые можно различить и высокую траву, и темные стволы деревьев. Десятки теней окружали Войчу, они подступали все ближе, их движения становились все быстрее...

– Войча! Войча! Войча! Войча!

Голоса ударили со всех сторон. От неожиданности Войчемир дернулся, закрыл уши руками, но голоса не отставали:

– Войчемир! Войчемир! Иди к нам! Потанцуем! Потанцуем!

Призрачные тени подступили совсем близко. Войча уже видел их лица – бледные, светящиеся. Длинные волосы падали на плечи и грудь, горя зеленоватым огнем.

– Иди к нам! Иди к нам! Потанцуем! Потанцуем!

Войча опомнился. Конечно, страх не исчез, но он внезапно ощутил нечто вроде уверенности. Нет, на это его не возьмешь!

– Эй, вы! – гаркнул он, радуясь звуку собственного голоса. – Подрастите сперва, а потом плясать зовите!

– Мы не маленькие! Мы не маленькие! – дружно ответил хор, гости подошли совсем близко, и теперь не только волосы, но и тела засветились странным зеленоватым светом.

– Иди к нам, Войча! Иди к нам! А то придет Старшая Сестра и заберет тебя...

– Еще чего! – Войчемир даже приосанился от собственной смелости. – Идите-ка, детки к себе в болото!

– Он не хочет! Он не хочет! – голоса теперь звучали обиженно, круг зеленоватых теней разомкнулся. – Он не хочет! Позовите Старшую Сестру! Старшую Сестру...

– С кем это ты?

От неожиданности Войча резко обернулся. Сонный Ужик высунул голову из-под плаща и удивленно глядел на своего спутника.

– Ы-ы-ы! – красноречиво ответил Войча, тыча пальцем в тех, кто обступил поляну.

– А! Навы! – Ужик перевернулся на другой бок. – Бедняжки...

Чувствуя, что недотепа вновь собрался спать, Войча заспешил:

– Ужик! Ужик! Ты же этот... рахман! Чего делать-то?

– Ничего... – послышался сонный голос. – Они не тронут...

Войча был бы рад разделить эту уверенность, но не мог. К тому же сейчас должна появиться загадочная Старшая Сестра... В голове промелькнуло слышанное еще в детстве, в долгие ольминские вечера.

– Ужик! Может, круг начертить? Этот... чародейский?

– Начерти.

Войча понял, что от недоучки-Ужика больше ничего не добиться. Времени оставалось в обрез. Войчемир вскочил и принялся чертить саблей большой круг. Круг с непривычки вышел неудачным – скорее не круг, а неровный овал, к тому же след сабли был почти незаметен в высокой траве. Но Войча был рад и этому. Сев у костра, он сжал в кулаке оберег – громовой камень, – и начал лихорадочно вспоминать подзабытые заклинания от нежити. Как назло, память отказывала, а Луна светила все ярче, туман становился все гуще...

– Вот он! Вот он! Старшая Сестра! Старшая Сестра, посмотри!

Войча зажмурил глаза, но голоса ударили вновь – совсем близко:

– Смотри! Смотри! Он не хочет с нами танцевать! Накажи его!

– Войчемир! Я здесь!

Знакомый голос заставил похолодеть. Забыв обо всем, Войча открыл глаза.

Навы стояли по краям поляны. Их стало больше – во много раз, они выглядели из-за деревьев, и даже из глубины леса доносился негромкий шепот. Но не на них смотрел побледневший, застывший, словно камень, Войча. Та, что звала его днем, чей голос он не мог забыть, теперь стояла прямо у костра.

Войча тут же узнал ее – хотя и не видел до этого ни разу, да и не надеялся увидеть. Лунный свет падал на спокойное, чуть скуластое лицо, на полупрозрачное нагое тело, укрытое длинными, ниже пояса, зеленоватыми прядями струящихся, словно вода, волос. Такими же зелеными были глаза – большие, глубокие, под резким разлетом темных бровей. Женщина стояла молча, и ее тонкие, горящие призрачным огнем руки были протянуты вперед, почти касаясь груди Войчемира.

– Старшая Сестра! Старшая Сестра! – вновь прошестели десятки голосов и все стихло.

– Я здесь, Войчемир. – негромко проговорила та, что стояла у костра. – Пойдем!

Войча послушно кивнул, и хотел сделать шаг, но тут рядом завозился под своим плащом Ужик, и Войча опомнился.

– Нет... – хрипло проговорил он, а затем повторил, уже громче и решительнее. – Нет! Нет!

На зеленоватом лице мельнула улыбка:

– Чего ты, боишься, Войчемир?

На этот вопрос можно было отвечать долго и обстоятельно – в этом лесу следовало бояться буквально всего. Войча ограничился тем, что помотал головой и вновь повторил «Нет!», но на этот раз не так твердо.

– Разве ты видел таких, как я? – Старшая Сестра медленным уверенным жестом отбросила в сторону закрывавшие ее тело волосы. – Посмотри!

– А-а... – только и смог произнести бедняга-альбир, поскольку таких женщин он действительно еще не встречал. Да и вообще, по этой части ему было далеко до самоуверенных сослуживцев, хотя бы до знаменитого красавца Пленка, по которому плакала добрая половина девиц в Кей-городе. Но даже Пленк, подумалось мимолетно, и тот потерял бы и речь, и слух при виде той, что стояла возле погасшего костра.

– Чего? Чего тебя надо? – Войча с силой дернул себя за чуб, пытаясь отогнать наваждение. Снова смех – легкий, уверенный.

– Тебя, Войчемир! Я нужна тебе, ты – мне. Сейчас я отошлю этих детей обратно в озеро...

Войча вновь кивнул и потянулся вперед, но вдруг – совершенно не вовремя – подумал об Ужике. Что будет с недомерком в этом жутком лесу? Ясное дело – сожрут. Сожрут – и костей не оставят. И хорошо, если только сожрут...

– Я... это... – он затравленно оглянулся, но Ужик как ни в чем не бывало спокойно спал, укрывшись с головой своим дурацким плащом.

– А ты зеленая! – ляпнул Войча первое, что пришло в голову. – Как жаба!
Темные брови на миг дрогнули.

– Я могу наказать за такие слова, Войчемир! Это мой лес, и здесь творится моя воля! Но в тебе говорит страх. Страх виной тому, что у тебя в глазах – зелень. Посмотри! Взгляни внимательно – не бойся!

Войча хотел отвернуться, но глянул – и только охнул. Зеленый свет исчез. Тело той, что была так близко, засветилось серебром, призрачный свет сгустился, и парень понял, что перед ним уже не тень, а живая плоть. Порозовели губы, глаза блеснули теплым огнем, а в густых волосах неярким старым золотом засветился венец...

– Прикоснись ко мне... Прикоснись...

Соблазн был велик. Это был даже не соблазн. Живая прекрасная женщина стояла рядом, и мешкать было попросту нелепо. Войча затаил дыхание, протянул руку...

...Пальцы ушли в пустоту. Вместо теплой кожи Войча ощутил ледяной холодный ветер. Исчезло живое прекрасное лицо, в лунный свет превратились густые волосы, а прямо на парня в упор глядел желтый равнодушный череп, скалясь вечной презрительной усмешкой.

– Нет! Нет! – Войча отпрыгнул назад, схватил меч и начал бешено вращать им в воздухе. – Уйди, нежить! Уйди!

Снова смех – холодный и злой:

– Взять его! Быстро!

Тени надвинулись, закружились в дикой пляске, и Войчемир понял, что деваться некуда. Он бросил бесполезное оружие и упал на траву, закрывая лицо руками...

– Чего кричишь, Войча?

Прикосновение было теплым. Войча, еще не веря, дернулся, привстал и открыл глаза. Ужик сидел рядом, потирая заспанное лицо.

– Приснилось что-нибудь?

– Приснилось? – выдохнул Войчемир, оглянулся – и замер. Поляна была пуста, рядом лежал меч, чуть дальше мирно стояли кони, а вдали, в лесной глуши, привычно перекликались ночные птицы.

– А-а... Она где? – Войча вскочил и неверными шагами обошел поляну. – Она же здесь была!

– Приснилось, – равнодушно пояснил Ужик, вновь заворачиваясь в плащ. – Место такое...

– Матушка Сва! – Войча без сил опустился на траву. Приснилось? Но на траве он нашел следы сабли – круг, который так и не помог ему. Или все же помог? А может, и вправду это все сон?

– Ужик... – нерешительно начал он. – А кто такая... Эта... Старшая Сестра?

– Чья? – донеслось из-под плаща.

– Навья!

– Понятия не имею... – плащ легко шевельнулся. – Надо будет у Патара спросить. Тебе что, какая-то Старшая Сестра приснилась?

Объясняться не было сил, и Войча, решив, что хуже не будет, лег прямо на траву и забылся тяжелым сном. Разбудили его веселое утреннее солнце, птичье пение – и Ужик, успевший сходить на зорьку и теперь пекший на углях двух огромных лещей.

Весь следующий день Войча был мрачен и молчалив – совсем как Ужик накануне. Его не радовали ни солнце, ни дорога, которая теперь стала заметно шире, ни съеденные за завтраком лещи, оказавшиеся необыкновенно вкусными. Перед глазами стояло одно и то же – бледный лунный свет, хоровод призрачных теней и та, которая пришла за ним. Неужели это был сон? И ее голос, и она сама? Тогда что же такое явь?

Увы, посоветоваться об этом было не с кем – не с Ужиком же, в самом деле! – и Войча молчал. Похоже, его насупленный вид удивил даже равнодушного ко всему Ужика. Во всяком случае, на дневном привале заморыш самым наивным образом поинтересовался, не случилось ли с Войчей чего-такого... Этакого.

Войчемир поневоле восхитился тоном да и смыслом вопроса, но затем обиделся и предпочел отмолчаться. Ужик пожал плечами (похоже, на что-либо иное его плечи и не годились), после чего потерял всякий интерес и к Войче, и к его настроению. Тут уж Войча не выдержал и, перемежая каждое второе слово все той же «каранью», потребовал от бездельника-недотепы-дармоеда-недомерка Ужика подробного и ясного ответа: что случилось прошлой ночью?

Бездельник-недотепа-дармоед-недомерок улыбнулся, сообщив, что сказать ничего не может, поскольку спал. Правда, пару раз он просыпался и, кажется, один раз что-то видел. Быть может, нав. Но он мог и перепутать, поскольку лунный свет, а заодно и туман способны породить еще и не такие дива. А что касается виденного Войчей, то если это сон, то и волноваться нечего. А ежели и не сон, то волноваться тем более нечего, поскольку если уж Войчу не тронули навы, то иная нежить и подавно обойдет стороной.

Мысль Войчемиру неожиданно понравилась. А ведь действительно – не тронули! То ли благодаря вовремя начертанному кругу, то ли благодаря камню-громовику. То ли – чем Косматый не шутит! – попросту испугалась нежить зеленая. Ведь он все же не кто-нибудь, а Кеев альбир и самого Светлого племянник!

Настроение Войчемира резко улучшилось. Разве что в глубине души осталась горечь. Старшая Сестра! Эх, сестренка, что же тебя занесло к этим, зеленым! Войча пытался не думать, забыть, но понял – не забудет. Да и кто пройдет мимо такой? Разве что Ужик, но с него какой спрос?

Между тем дорога вела дальше, прямо на полдень. Пару раз на пути встречались большие поляны, но Войча предпочел не останавливаться. Из рассказов длиннородного Нелюба он помнил, что на третий день пути, как раз посреди леса, тропа пройдет мимо небольшой избушки, и Войчемир постарался подгадать так, чтобы заночевать именно там. Лишняя ночь под открытым небом, да еще в таком лесу, не радовала. Под крышей как-то надежнее. Однако часы шли за часами, дорога вела все дальше, а небо над лесом уже начинало темнеть. И лишь в ранних сумерках Войчемир, начавший уже изрядно волноваться, заметил впереди что-то темное. Он ткнул Басаврюка пяткой, тот, недовольно заржав, перешел на рысь, и уже через минуту Войча удовлетворенно скомандовал: «Стой!» Перед ними была избушка – небольшая, вросшая по самые подслеповатые оконца в серую лесную землю.

– Успели! – резюмировал Войча, поворачиваясь к Ужику. – Тут и заночуем. Интересно, дома ли бабка?

Он ждал вопроса: «Какая?», но поскольку нелюбопытный Ужик промолчал, пояснил все до конца:

– Бабка тут живет. Нелюб говорил – не простая бабка. То ли велхва, то ли наузница. Яга, одним словом.

– Как в сказке? – Ужик зевнул. – А в ступе летает?

Несмотря на совершенно равнодушный тон, каким это было спрошено, у Войчемира внезапно возникло страшное подозрение – а не шутит ли часом этот недомерок? Шутки Войча не любил, разве что свои собственные, но на этот раз сделал вид, что ничего не заметил. Проступу он предпочел промолчать, зато обстоятельно пояснил, что сказки – сказками, а бабка самая настоящая, к тому же полезная, лечит травами и никому зла не делает. Во всяком случае, в подобном не замечена, хотя ей в обед все сто лет будет. Значит и им беспокоиться нечего.

Ужик не возражал, но очень скоро стало ясно, что Войчемир ошибся – причина для беспокойства была. Они поняли это, как только Войча слез с коня и подошел к двери.

– Матушка Сва! – ахнул он. – Бабка-то...

...Все, что осталось от той, которая лечила травами, лежало тут же, у порога – скелет, покрытый потемневшими лоскутьями грубой домотканой одежды. Поломанная клюка валялась чуть в сторонке, рядом с полусгнившими остатками плетеной корзины.

– Так... – Войча на всякий случай вытащил меч, затем подумал, вложил его обратно в ножны и склонился над останками.

– Привяжи коней, – бросил он Ужику. – А я погляжу...

Осмотр занял больше времени, чем думалось. Ужик, привязав коней к ближайшему дереву, пристроился рядом с Войчей.

– Темно... – Войчемир встал и размял затекшие плечи. – Завтра еще поглядим... Но, в общем, и так ясно – не своей смертью бабка померла. Не от хвори, и не от зверя...

– Шея сломана, – негромко добавил Ужик, ставший внезапно очень серьезным. – Но это не медведь...

– Точно! Смотри, это у нее под рукой было.

На ладони у Войчи лежала небольшая бронзовая бляшка – странный зверь, похожий то ли на льва, то ли на тигра.

– Такие на одежду нашивают...

– Соображаешь! – одобрительно кивнул Войчемир. – Думаю, так было: бабку прямо у порога подстерегли. Раз – и шея набок. Только и успела, что в одежду вцепиться и бляшку эту сорвать...

Внезапно совсем рядом послышался шум – негромкий, но отчетливый.

– В доме! – Войча выхватил меч и одним движением оказался между дверью и Ужиком. – Урс, назад! Эх, дурни мы, сразу надо было посмотреть!

Они замерли, прислушиваясь, но в избушке все стихло. Но вот вновь послышался шум, чьи-то легкие шаги. Скрипнула дверь. Войчемир не спеша поднял меч...

– Ой, дяденька, не надо!

Рука, державшая оружие, дрогнула. На пороге стояла девчушка – невысокая, простоволосая, в грязном, порванном на боку платье.

– Фу, ты!

Войча облегченно вздохнул, но затем нахмурился:

– А ты кто такая?

– Я... Я внучка... Внучка... – девчушка испуганно переводила взгляд с мрачного Войчемира на невозмутимого Ужика. – Дяденька, не убивайте! Я на все согласная...

– Да на что ты нужна! – в сердцах бросил Войча. – А ну-ка, Ужик, огня!

Покуда недотепа-Ужик возился с кремнями и трутом, Войча успел обшарить избушку и вернулся оттуда с пучком лучинок.

– А ну-ка... Значит, внучка, говоришь? Ужик, гляди!

Войча бесцеремонно схватил девчушку за ухо и повернул ее к свету.

– Видал?

На тонкой грязной шее болталась потемневшая медная гривна.

– Беглая... Ну, и от какой бабульки ты бежала?

Девчушка всхлипнула, но Войчемир был неумолим:

– Знаем таких внучек! Что, придушила бабку?

– Нет! Нет! – в глазах беглянки плавал ужас. – Она... Она была уже мертвая... Я и подойти боялась... Не убивайте, дяденька! Я что хотите делать буду... Я... Я... Я все расскажу...

– Вот это уже лучше! – удовлетворенно заметил Войча, присаживаясь на старую колоду, служившую, как видно, для рубки дров, – Ужик, затопи-ка печурку...

Пока молчаливый Ужик занимался этим нужным делом, девчушка, плача, сбиваясь, перескакивая с одного на другое, рассказывала свою нехитрую историю. Вернее, история как

раз оказалась непростой – даже после всего, что Войче довелось увидеть и узнать за последние дни.

Беглянку звали Улой. Впрочем, она и не была беглянкой. Всю свою жизнь она, холопка местного дедича, прожила в соседнем селе – именно в том, из которого уже год как перестали доходить вести. И недаром – села больше не было...

Чужой человек постучался в ворота как раз в день Солнцеворота, когда повсюду горели праздничные костры. Чужак был хмур, молчалив – и болен. Его уложили на солому в сарае, позвали бабку – ту самую, что теперь лежала у собственного порога – но было поздно. Через три дня чужака отнесли на погост, а еще через день пропал первый из жителей маленького села. Затем исчез второй, третий...

– Он... он и за мной приходил... – Ула говорила быстро, но еле слышно, постоянно оглядываясь на подступавший к поляне лес. – Всех уже сгубил, и за мной пришел. Страшный, лицо красное, ногти желтые, кривые...

– Одет? Во что одет? – быстро спросил Войча.

– Кафтан... Богатый, с бляшками медными. Когда он помер, думали еще этот кафтан оставить, не хоронить, но потом...

Войча кивнул. Про одежду он спросил больше для порядка – все и так было ясно. Войчемиру приходилось допрашивать пленных, и он видел, что девчушка не лжет. Да и совпадений было больше чем достаточно – про «опыра» ему рассказывали еще в Кудыкиной Гати.

Заметил Войча и еще кое-что. Вначале ему показалось, что перед ним – совсем ребенок, лет восьми, не больше. Но при свете лучин – их не пожалели, зажгли сразу с полдюжины – стало ясно, что Ула значительно старше. Оставалось лишь гадать сколько ей – тринадцать? Четырнадцать? Такую уже и продать можно – и не без выгоды.

Впрочем, продавать беглянку было некому – не Ужику же! – да и вряд ли Войча мог нажиться на такой сделке. Девчонка была некрасива. И даже не просто некрасива – такую не каждый день встретишь. Лицо покрывали глубокие оспины, вместо носа торчал какой-то бугорок с двумя дырочками, вдобавок ко всему у бедняжки не было передних зубов, отчего она слегка пришепetyвала. Такую даже огрским торговцам не продашь, даже ежели отмыть, подкормить и нарядить во что-нибудь пристойное.

Итак, продавать Улу Войча раздумал, но проблема осталась. И не одна, а сразу несколько. Куда, например, эту Страшилку (именно так Войча стал про себя именовать беглянку) девать? А главное – куда идти? Ведь село – мертвое село, откуда бедная Страшилка бежала – находилось как раз на их пути.

Об этом Войча решил поговорить с Ужиком попозже, когда Ула заснет. Лишнего девчонке знать ни к чему, да и чем она поможет, Страшилочка?

Ужик молча выслушал Войчины соображения и задумался. Честно говоря, Войчемир не ждал от недотепы чего-нибудь путного и советовался с ним больше для порядка, чтобы парень не думал, будто с ним не считаются.

– И чего делать будем? – поинтересовался Войча, ожидая увидеть в ответ все то же пожатие узких плеч.

– Пойдем в село.

Сказано это было настолько твердо и уверенно, что Войча даже растерялся.

– А этот... опыр, который?

– Убьем.

И вновь поразился Войча – от Ужика ли он это слышит?

– Ну... да... – нерешительно кивнул он. – Надо бы... Ведь он, нелюдь, и дальше народ губить будет! Так ведь как его убьешь? Его же, говорят, и сталь не берет!

– Убьем...

Войча вздохнул. План глубокого обхода по лесу, который он хотел предложить, повис в воздухе. Если уж этот недомерок не боится...

– А и ладно! – Войча покачал головой и зло скривился. – Где наша не пропадала! Знать бы только, как к нему, к опыру этому, подступиться...

На это Ужик ничего не сказал, и Войча мысленно пожалел о своем скоропалительном решении. Но не бить же отбой – да еще при Ужике! Этого Войчемир позволить себе не мог – пусть даже их поджидает дюжина «опыров» с чугастром в придачу.

...Ночью Войча почувствовал, как кто-то легко дотронулся до его плеча.

– Дяденька...

– А? – Войчемир дернулся, привстал – и тут же его щеки коснулась маленькая теплая ладонь.

– Дяденька! Страшно мне! Можно я рядом с вами посплю...

Войча огляделся, но в темной избушке ничего разглядеть было нельзя. Где-то неподалеку тихо дышал во сне Ужик. Ула – Страшилка – не дожидаясь согласия, быстро пристроилась рядом.

– Дяденька! – шопот стал громче. – Вы... Вы такой сильный... Вы такой...

Войча начал понимать, что Страшилке совсем не страшно. Худое тело девчушки прижалось к нему, и он ощутил под рукой крепкие, уже совсем недетские груди...

– Так... – Войча нашарил в темноте сначала голову, затем ухо, кажется левое. Послышался испуганный писк.

– Дяденька! Ай! Не надо!

– Ежели страшно, то иди к дяде Урсу. Вот он точно ничего не боится!

– Но почему? – в голосе звенела обида.

– Потому...

Войча повернулся набок и постарался храпеть погромче. Ему было жаль бедную Страшилку, но не объяснять же девчонке, что на такую не покусится даже пьяный кмет при грабеже взятого города. Если хотя бы она не пришепetyвала!

...Утром они вышли в путь, уже втроем, а около полудня лес расступился, глазам открылась маленькая речушка, а за нею – приземистые черные домишки мертвой деревни.

Глава вторая. Мать Болот.

– Они! Хвала Соколу, они!

Сновид Полтора Уха, старший кмет, первым заметил то, что открылось за поворотом – широкий плес, несколько больших лодей, вытасненных на невысокий песчаный берег и огромный цветной шатер на холме.

– Они! Кей Улад, они пришли! – Сновид, не удержавшись, сорвал с головы шлем и махнул им в воздухе. Солнечный луч отразился на полированной стальной поверхности и словно в ответ дружно закричали на лодьях – и кметы, и добровольцы-улебы:

– Слава! Слава! Кей Улад! Кей Улад!

Их слышали. На берег, к черным лодьям со снятыми мачтами, высыпала толпа людей – кто в сверкающих стальных доспехах, кто в белых рубахах.

– Слава! Кей Сварг! Кей Сварг! – донеслось до стремнины, по которой плыли лодки.

Улад стоял у мачты и старался сохранять на лице серьезное и даже суровое выражение, хотя его так и тянуло широко, по-мальчишески улыбнуться. Нельзя – ведь он, Улад сын Мезанмира, не просто восемнадцатилетний парень, впервые возглавивший войско. Он – Кей и потомок Кеев, наследников славы самого Кея Кавада. Его предки были избраны богами, чтобы править этой землей – Великой Орией, что протянулась от моря Скандского до моря Змеинового, от Харпийских гор до могучей реки Итль. И ничего что с непривычки давит плохо подогнанный румский панцырь, а меч, настоящий франкский меч, слишком уж оттягивает пояс. Это мелочи, о которых настоящий воин не должен и думать. Главное – это его первая настоящая война, первое боевое задание. Это задание он, Кей Улад, выполнил точно и в срок, приведя свое войско к этому низкому песчаному берегу, к этому шатру, над которым развевается Стяг Кеев. Улад уже видел его – громадное красное полотнище с изображением распластавшей крылья могучей птицы – Кеева Орла, когда-то носившего Кея Кавада по небесным дорогам между Небом Синим и Небом Золотым.

– Успели! Хвала Соколу и Дию! – Сновид, старший кмет, которому собственно и довелось снаряжать войско и следить за порядком в походе, все еще не мог успокоиться:

– Успели! Не перехватили, хвала богам!

Улад не ответил на радостную усмешку своего помощника и чуть брезгливо дернул плечом – жест, позаимствованный у отца. Радость старшего кмета понятна, он и сам рад тому, что успел в срок, но показывать лишнее волнение ни к чему. Кей должен быть спокоен – так учил отец. И тогда воины тоже будут спокойно делать свое дело.

Да и особых причин для волнения Улад не находил. Кто мог перехватить их лодьи, на которых полсотни кметов в железных латах и триста крепких ребят из Валина? Или Полтора Уха думал, что Сварг опоздает? Но этого вообще быть не может! Сварг – смелый воин и опытный полководец. Да, война, да, мятеж, и отец, конечно, неспроста повелел ему привести войско на помощь брату, но что могут сделать волотичи, эти лесные дикари, против Кеева войска? И Уладу подумалось, что старший кмет, много лет проживший в мирном Валине, слишком привык к спокойной жизни. Уж не потерял ли он свою смелость вместе с половиной уха, когда-то снесенного огрской саблей?

Берег приближался. Улад уже ясно видел ровный строй кметов на песчаной косе, толпу ополченцев поодаль, а впереди всех – высокую фигуру в красном плаще и остроконечном шлеме. Брат! Забыв обо всем, молодой Кей схватился за канат, поддеживавший мачту и вскочил на узкую кромку борта. Брат! Сколько же они не виделись!

Нос лодьи мягко ткнулся в песок. Толчок был еле заметным, и Улада лишь слегка качнуло. От сверкающего железом строя отделилось несколько кметов, не иначе чтобы подать сходни, но Улад решил не ждать. Какие сходни на войне! Он воин, а не старец! Красные огр-

ские сапоги вошли глубоко в песок. Улад выпрямился, поправил чуть сбившийся на бок шлем и ровным твердым шагом направился к Стягу, под которым стоял брат. Еще пару лет назад он просто побежал бы и бросился брату на шею, но тогда он был просто мальчишкой, который мог лишь завидовать братану Сваргу, который уже не один год железной рукой правит непокорными дикарями-волотичами. Теперь же они почти ровня – Сварг, наместник в земле волотичей, и он, Улад, повелитель улебов. Кей, хозяева этой земли...

В первый миг он не узнал брата. Наверно, из-за шлема, который закрывал не только голову, но и щеки, и даже переносицу. Отличный шлем! Улад успел на миг позавидовать брату, но затем все лишние мысли исчезли. Рука в перчатке из оленьей кожи поднялась в приветственном жесте – локоть ровный, ладонь вперед. Короткий быстрый поклон, как равный – равному.

– Чолом, Кей Сварг!

– Чолом, Кей Улад!

Голос брата тоже звучал необычно – сурово, твердо. Но так и должно быть – Кей Сварг не дома, не среди близких...

Сзади заскрипели по песку шаги. Улад знал – это его старшие кметы. Сейчас он представит их брату. Это тоже положено – брат должен знать тех, кого привел Улад. К сожалению, сам молодой Кей успел познакомиться лишь со Сновидом, который помогал ему в Валине последние два года. Остальных – Когута, Прожада и Яскулда – он впервые увидел лишь месяц назад, когда начал собирать войско. Ну, ничего, еще будет время...

К Стягу подошло несколько воинов в сверкающих дорогах латах – старших кметов в войске брата. К сожалению, их имена как-то проскользнули мимо сознания – наверно от волнения. Похоже, брат понял и, еле заметно улыбнувшись, кивнул в сторону шатра. Улад обрадовался – наконец-то они смогут поговорить наедине! – но все же не забыл махнуть рукой Сновиду. Этот жест, понятный им обоим, означал многое – выгрузить людей, вытащить лодьи на берег, поставить шатры, сварить кашу из взятых из дому запасов. Собственно, всем этим Полтора Уха и занимался – Улад был командующим, и не его дело вникать в подобные мелочи. Он – Кей, и этим все сказано...

В шатре оказалось неожиданно темно. Ноги сразу же утонули в мягких огрских коврах. Брат сорвал с головы шлем, и в полутьме засветились его коротко подстриженные рыжие волосы. Улад невольно улыбнулся. Оба они были рыжие, как их покойная мать, но если рыжинка лишь слегка тронула светлые волосы младшего, то Сварг был огненно рыж, как Солнце, в честь которого и был назван.

– Ну, здравствуй, братишка! – старший крепко обнял Улада за плечи и прижал к закованной в латы груди. – Вовремя!

Похвала заставила покраснеть, и Улад, сбиваясь и даже слегка заикаясь (этим он страдал с детства и очень стеснялся) принялся рассказывать о том, как собирал войска, как сзывал добровольцев из самых верных селений возле Валина, как доставал по всей улебской земле оружие. Брат слушал, кивал, наконец мягко положил тяжелую латную рукавицу на плечо младшему:

– Потом... Остальное расскажешь на совете. Пятьдесят кметов – это хорошо. У меня только сорок...

– К-как?! – Улад даже растерялся. Он был уверен, что в войске брата их должно быть не меньше сотни.

– Потом... – повторил Сварг и устало мотнул рыжей головой. – Плохи дела, братишка...

Уладу показалось, что он ослышался. Дела не могли быть плохи! Войско Кеев – самое мощное от Харпийских гор до Денора. Даже огры – и те признали силу железных латников Светлого, первыми попросив мира. А тут какие-то волотичи, дикари, на которых надо просто охотиться, словно на кабанов...

Тут в дальнем углу шатра шевельнулась грудa мягких покрывал, и Улад к вящему смущению понял, что здесь они не одни.

– Порада, подойди! – негромко, не оборачиваясь, произнес брат, и к Уладу шагнула невысокая простоволосая женщина в светлом легком платье.

– Это мой брат – Кей Улад...

– Здоров будь, Кей...

Голос был низкий, грудной, поклон – почтительный, по чину.

– Ч-чолом! – совсем растерялся младший, даже забыв кивнуть в ответ.

– А теперь иди, Порада...

Женщина, вновь поклонившись, на этот раз им обоим, вышла, слегка задев Улада крепким горячим телом. Молодой Кей только вздохнул – и от близости молодой женщины, и от понятного смущения. Ведь он хорошо знал Челеди – супругу брата, сестру самого Великого Хэйкана. Высокая, не по здешнему красивая, она была приветлива с Уладом и даже пару раз защищала его во время недолгих ссор с братом. Порада, кто она? Откуда?

– Не удивляйся... – Сварг, похоже, понял, о чем думал младший. – Порада, она... Я бы без нее пропал.

Спрашивать Улад не решился, да и не до этого сейчас было. Дела плохи – почему? И что значит – плохи?

– Я... – нерешительно начал он. – Я думал... Отец велел...

– Пойдем! – перебил Сварг и устало повел плечами. – Сейчас сам увидишь.

Они вышли из полутемного шатра и направились вдоль берега, мимо черных лодей, у которых сновали кметы. Улад краем глаза заметил, что его люди уже успели выбраться на берег и споро ставят шатры. Это порадовало – Сновид не зря считался одним из самых опытных кметов, воевавших еще вместе с отцом. Но почему дела плохи? И куда его ведет брат?

За мысом было пусто, но в отдалении одиноко чернела лодья, наполовину вытащенная на песок. Одного взгляда, брошенного в ее сторону, было достаточно, чтобы понять – что-то не так. Что-то в этой лодке, обычной, такой же, как и все прочие, было зловещее, даже страшное. И запах! Откуда этот запах, этот смрад, который ни с чем не перепутаешь?

– Вчера приплыла, – старший зло дернул щекой. – Пустили вниз по течению – от самого Коростеня. Знали, сволочи, что не пропустим...

Еще ничего не понимая, но чуя беду, Улад быстро подошел к низкому черному борту – и отшатнулся, даже не взглянув – настолько страшным был смрад, идущий оттуда. Но затем, все же пересилив себя, заглянул – и вновь отшатнулся.

Трупы... Вся лодья была заполнена трупами – голыми, уже тронутыми гнилью. Те, что лежали здесь, умерли плохо – черная застывшая кровь покрывала тела. Вспоротые животы, расколотые черепа, сорванная кожа, черные дыры на месте выжженных глаз. Взгляд зацепился за бесстыдно раскинувшее ноги женское тело. Улад, не удержавшись, вновь поглядел туда – и вздрогнул. Груды у погибшей были отрезаны, из живота торчал деревянный кол...

– Это те, кто был в Коростене, – негромко проговорил Сварг. – Кметы и их жены. Весь гарнизон. Это уже вторая – первую мы перехватили три дня назад...

И тут, наконец, Улад понял. Враги взяли Коростень! Значит, земля волотичей уже неподвластна Кеям! Коростень, который захватил еще дед, великий воитель Хлуд, город, который потом вновь пришлось брать отцу. Выходит, снова...

– В Коростене стояло сорок кметов. – брат кивнул в сторону страшной лодьи. – Там были наши купцы, их семьи... Еще человек двадцать пропало в пути – уже и не скажешь где. Двадцать кметов у Нетвора – он пока держится на полночи, у Струй-озера. Со мной сорок, к сожалению, почти все – молодежь. Вот и все наше войско...

– А... оп-полчение... – только и мог выговорить Улад. – Дедичи... Должны соб-брать...

Брат махнул рукой и, не оглядываясь, зашагал прочь от страшного места. Улад растерянно оглянулся и бросился следом, словно боясь оставаться наедине с теми, кто принял смерть в далеком Коростене...

Совет состоялся вечером, в том же шатре. На этот раз в нем было светло – горели факелы, бросая неровные тени на дорогой полог, расшитый сказочными птицами. Людей собралось немного – вместе с Кеями пришло полдюжины старших кметов: тех, кто служил у Сварга, и тех, кто прибыл с Уладом. Кроме них в шатре оказался толстый старик, напаявший несмотря на лето большую бобровую шубу. Вскоре Улад узнал, что это – знаменитый Антомир, дедич всех волотичей, все эти годы верой и правдой служивший Кеям. Теперь он, чудом спасшийся от мести своих земляков, нашел убежище в войске Сварга.

Что будет на совете, братья оговорили заранее. Вначале Сновид, как старший в войске Улада, коротко доложил о составе прибывших подкреплений. Затем встал Зван, один из кметов Сварга, и сообщил о том, сколько осталось в войске. Сорок два кмета и пятьдесят наскоро вооруженных беглецов – местные дедичи с родственниками и кое-кто из уцелевших Кеевых людей, сумевших убежать из Коростеня и других мест, охваченных мятежом. Улад уже знал все это, но поневоле ужаснулся – это все? А сколько мятежников – три тысячи? Пять? Об этом не хотелось и думать.

Наконец, встал Сварг. В руке брата был большой берестяной свиток. Улад вначале удивился, но затем вспомнил – мапа! Рисунок земли с птичьего полета! Еще в детстве отец учил его понимать мудреные значки, обозначающие селения, озера, переправы. У него тоже имеется такая, но с изображением его собственных владений – земли улебов. Говорят, полная мапа всей Ории есть только у отца, и показывает он ее далеко не каждому...

Мапу расстелили прямо на ковре, кто-то поднес факел поближе. Сварг присел рядом, подождал, пока все рассядутся вокруг, и начал:

– Вот. Мы сейчас здесь...

Палец в кожаной перчатке указал на изгиб тонкой голубой линии – реки, по которой только что приплыли лодьи Улада.

– Враги тут, в Коростене... А также здесь... Здесь... Здесь...

Рука в перчатке указывала на одно селение за другим, на леса, на огромные просторы болот. Только сейчас до Улада дошло, почему волновался Сновид, его старший кмет. Ведь они плыли с заката, а все эти земли уже потеряны! Выходит, им просто повезло! И молодой Кей почувствовал, как по спине пробегают непрошенные мурашки. Ведь они не знали всего этого! Догадывались, но не знали, что дела так плохи! Их отряд легко перехватили бы, встретить они волотичей! Выходит, Золотой Сокол не забыл своих сыновей!

– Итак, мы удерживаем полдень и полночь. – продолжал Сварг. – К сожалению, связь с отрядом Нетвора потеряна. Я послал уже пять гонцов, но ответа нет. Если он все же получил мое послание, то мы должны встретиться у Белого Пlesa – это здесь...

Улад взглянул на мапу, но вначале ничего не понял. Выходит, они бросают даже то, что осталось! Белый Плес – это уже на самой границе с землей сполотов. Неделя пешего пути до Савмата! А как же земля улебов – его земля? Ведь там почти не осталось войска!

– Кей! – похоже, Сновиду пришла в голову та же мысль. – Мы можем потерять Валин...

И вновь Улад почувствовал, как по спине бегут мурашки. Валин, его город! Вот ты и сходил на свою войну, молодой Кей! Коростень потерян, Валин отрезан – выходит, трети отцовской державы уже нет!

– Да, Валин под угрозой. – негромкие слова брата прозвучали, как приговор. – Но нам сейчас главное – не пустить врагов на Савмат. У Белого Пlesa – если Нетвор подойдет – мы продержимся, пока отец соберет войско... Впрочем, – по мрачному лицу скользнула злая усмешка – может, они все-таки побоятся перейти старую границу...

Старая граница! О ней уже никто не вспоминал, кроме стариков. Граница между сполотами и волотичами, давними врагами, еще более давними, чем огры...

– Антомир, прошу! – Сварг коротко кивнул старику в бобровой шубе. – Объясни нам то, что еще можно объяснить...

На этом совете Антомир, дедич всех волотичей, смотрелся странно. Еще совсем недавно он, богатый, знатный, окруженный почтительной челядью, был первым человеком на этой земле, не считая, конечно Кея – наместника Светлого. Его, потомка давнего рода, испокон веков, чуть ли не с времен Сдвиг-Земли, владевшего волотичами, не сломил даже приход победоносного войска закованных в железо сполотов. Он остался – и правил. Даже сам Светлый, и покойный Хлуд, дед Улада, и ныне здравствующий отец, считались с этим человеком. И вот он – жалкий беглец, спасший лишь свою старую жизнь – и бобровую шубу, которая смотрелась на нем как-то по-шутовски. Густой низкий голос человека, привыкшего повелевать, странно контрастировал с испуганным, застывшим взглядом. Старик боялся. Не понимал, не мог объяснить – и боялся.

Вначале Улад с трудом догадывался, о чем говорит Антомир – наречие волотичей сильно отличалось и от сполотского, и от уже привычного говора улебов. Но постепенно смысл начал доходить, и молодой Кей весь обратился в слух. Но ясности не прибавилось, скорее все стало еще непонятнее.

Да, мы ничего не смогли предвидеть – говорил Антомир. Да, еще три месяца назад ничего – абсолютно ничего – не говорило о том, что готовится мятеж. И возможно его лазутчики не ошибались, поскольку мятеж никто не готовил. Он возник сам – внезапно и страшно, словно пожар в сухом лесу.

Волотичи роптали всегда – с того дня, когда воины Светлого впервые пришли на их землю. Роптали и сейчас – и на полюдь, и на Кеевых кметов, которые берут лишнее и не очень жалуют невинность здешних девиц. Но ропот ропоту рознь. В прежние годы мятеж начинали дедичи – хозяева сел и полей. Но на этот раз дедичи остались верны Кеям – и верность стоила им жизни. Эти жизни взяла Мать Болот...

И вновь молодой Кей перестал понимать то, о чем говорил старший дедич. Мать Болот – кто это? Золотая Личина – чья? Почему ничего нельзя было сделать? И тут внезапно вспомнилось – далекий Савмат, детская, брат Рацимир...

...Тогда, двенадцать лет назад, волотичи тоже бунтовали, и отец сам отправился во главе закованного в железо войска усмирять непокорный Коростень. Война длилась недолго – месяц. И вот отец вернулся, а вместе с ним – и старший брат Рацимир, которому тогда уже было восемнадцать, и он считался опытным воином. После возвращения Светлый тут же отправился на встречу с хэйканом куда-то на левый берег Денора, а Рацимир, весело отгуляв вместе с друзьями, зашел к младшим братьям. Уладу было всего пять, и чернобородый Рацимир казался ему сказочным альбиром. Старший брат весело смеялся, показывал, как он рубил волотичей (раз-раз – и голова с плеч!), а потом рассказал сказку (что еще поведаешь маленьким братишкам?) о Золотой Бабе. Будто волотичи сполотских богов не почитают – ни Золотого Сокола, ни Громовика Дия, ни Матушку Сва. А почитают они какую-то Золотую Бабу, которую называют очень смешно – Мать Болот. Пятилетний Улад и девятилетний Сварг, конечно, посмеялись, а Рацимир добавил, что якобы эта Мать Болот вынырнула, как какая-то лягушка, из самой глубокой топи, и была она вся из золота – и руки, и ноги, и все прочее. Одним словом, Золотая Личина. И весом эта личина, говорят, не меньше чем четыре быка. А может и больше.

Тут уж детские рты раскрылись, заблестали глазенки. Столько золота! И где же эта Золотая Баба? Пропала – со смехом отвечал брат – в болоте потопла. Неужели не искали? Искали, да не нашли. Вот вы подрастете и найдете. Вот так-то, братишки!

Теперь искать не пришлось. Три месяца назад по земле волотичей пронеслось – Мать Болот вновь вернулась к своим детям. Где-то на отдаленном капище вновь объявилось ее золо-

тое подобие. И объявилось не напрасно – быть мятежу. А затем новый слух – призвала Мать Болот некую девушку из Коростеня и дала ей свою силу и свою власть. И объявила свою волю – резать проклятых пришельцев, пока послений из них не погинет.

Улад потер от волнения лицо – мысли путались. Значит им приходится воевать с богиней? Но ведь их боги – боги сполотов – сильнее! Или они сильнее дома, в Савмате, а здесь, на чужой земле...

Не все поверили слуху. Когда девушка, а зовут ее Велга, пришла в одно селение под Коростенем и объявила волю Матери, над нею смеялись, а местный дедич хотел схватить ее и отдать своим холопам на потеху, чтоб дура не болтала зря. Но Мать Болот защитила Велгу, а два десятка молодых парней взяли колья и косы – мечи и копья у волотичей давно отобрали – и пошли в ее войско. И это войско на следующий день ворвалось в Коростень, перебив Кееву стражу. И тогда вся страна восстала...

Антомир долго рассказывал о том, как один за другим гибли дедичи, пытавшиеся со своими отрядами остановить мятежников, как Велгу пытались подкупить, отравить, напугать... Тщетно – Мать Болот не оставляет свою избранницу, и там, где появляется Велга, ее войска непобедимы. А недавно она передала новую волю богини – освободить родную землю до последней пяди и идти на проклятый Савмат, чтобы сжечь его до основания. Повсюду передавали слова пророчества: «Волку быть на Кеевом Детинце». И новые тысячи пошли в победоносное войско Велги...

Антомир давно уже закончил свой невеселый рассказ, и в шатре стояла мрачная, тяжелая тишина. «Волку быть на Кеевом Детинце»... Даже огры, вековые враги, уничтожившие Великий Валин, дошедшие до Харпийских гор, не смогли взять Савмат. Золотой Сокол хранил сполотов. А что же теперь? Неужели Мать Болот и эта сумасшедшая девка сильнее огров?

Наконец, встал Сварг, холодный, невозмутимый, и еще раз повторил свой приказ: завтра же идти по реке к Белому Плесу. Там их должен ждать Нетвор со своим отрядом и несколькими сотнями ополченцев с полночи – тамошние волотичи не очень жалуют сородичей с полдня. У Белого Пlesa быть сражению – а там пусть рассудят боги...

Шатер опустел, и братья молча сидели на дорогах огрских коврах. Неслышно колыхнулся полог, и рядом возникла Порада. Теперь на ней было не скромное белое платье, а цветастое, из дорогой румской ткани. Сварг кивнул, и женщина присела рядом, припав к его плечу.

– Ты знаешь еще не все, – наконец, негромко проговорил старший. – Отец болен.

– Что? – Улад подался вперед, не веря.

– Да. Его болезнь скрывают – как и мятеж. Рацимир приехал в Савмат. Если случится беда, он возглавит войско.

Отвечать было нечего – следовало сначала осознать. Отец! Светлый Кей, надежда сполотов и гроза врагов, владыка Ории...

– Плохо, Улад. Но может стать еще хуже...

– Н-нет! – молодой Кей резко выпрямился. – Брат, не может быть! Мы остановим их! М-мы...

Ладонь Сварга, на этот раз не в перчатке, а живая и теплая, легла на его плечо.

– Ты уже взрослый, братишка. Совсем взрослый. Ты – Кей. Ты должен знать... То, что происходит – страшно. Но мы, возможно, не знаем еще всего... Я не о Матери Болот. Каждый раз, когда мы приходим на чужую землю, приходится сражаться не только с людьми, но и с богами. Боги сполотов сильны и не оставят нас. Я не пушу врагов в Савмат, если...

– Если? – Улад вновь подался вперед.

– Если за мятежом не стоит кто-то из нас. Из Кеев.

Улад замер, стараясь понять, верно ли он услышал. Слишком много свалилось на него в этот день – встреча с братом, изуродованные трупы в черной лодье, восставшая из топи Мать Болот, болезнь отца... О чем говорит Сварг? Из каких Кеев?

– Это тоже не ново. Когда-то Жихослав, наш дядя, просил помощи у огров. Понимаешь? Эту Велгу испекли здесь, но замес может быть наш, савматский. Слишком уж не вовремя... Или наоборот, очень вовремя. Для кого-то из нас... Догадываешься?

Нет, Улад не догадывался и не решался строить догадки. Нет, нет, нет! Ведь их четверо – Рацимир, Валадар, они со Сваргом. И, конечно, Кледа, сестричка... Ах да, еще Войчемир, двоюродный братан, сын дяди Жихослава, о котором только что сказал брат...

– Сварг! Объясни...

Старший дернул плечом – точно, как отец.

– Нет. Не сейчас.

Улад невольно посмотрел на Пораду, безмолвно сидевшую рядом с братом, но Сварг покачал головой:

– Не из-за нее. Ей я верю, как никому. Все ее родственники убиты. Им не простили...

Улад испуганно посмотрел на женщину. Убили? За что? За то, что она – подруга брата?

– Ее отец и братья жили в Коростене. То, что от них осталось, было в той, первой, лодье...

А объяснять не буду просто потому, что не знаю. Пока... Но вспомни, что отец говорил нам о равновесии. Вспомни – и подумай...

Слева и справа стоял лес, а между зелеными берегами текла река, по которой плыли лоды. Идти было легко – встречное течение в этих местах еще слабое, а ветер исправно дул в белые паруса из прочного румского полотна. Не пришлось даже браться за весла – лоды плыли быстро, и до Белого Пlesa оставалось не больше двух дней пути.

Улад стоял у высокой мачты, над которой развевался маленький красный флажок – знак, что эта лодья – Кеева. Стяг развернут позже, перед боем. Пока достаточно и флажка – пусть проклятые дикари, выглядывая из своих лесных укывищ, дрогнут, догадавшись, кто ведет войско.

Теперь младший плыл на лодье брата. Иначе и не могло быть – ведь столько не виделись, о стольком следовало поговорить! Правда, разговора все не получалось. Сварг был молчалив и часами сидел над берестяной мапой, разглядывая разноцветные отметки. Улад старался не мешать и просто смотрел на берег. Там было тихо, только как-то под вечер до плывущих донесся отдаленный стук – ровный, мерный, словно кто-то изо всех сил колотил железным бием о толстую доску. Случайность? Или лазутчики проклятой Велги уже узнали об их походе? Ответить было некому, оставалось надеяться на удачу. Пока же лоды двигались без помех. Ни днем, ни ночью никто не пытался преградить им путь, и берега осавались пустыми. Дважды вдаль замечали небольшие поселки, огороженные частоколом, но каждый раз Сварг приказывал не останавливаться. Остановились они лишь однажды – и совершенно случайно.

Улад, бесцельно глядевший на берег, первым заметил маленькую фигурку. Не заметить было сложно – человек, казавшийся на таком расстоянии не больше паука, бегал взад-вперед по песчаному берегу и размахивал руками. Глядеть на это было смешно, но Улад быстро опомнился. Кто-то подает знак? Может, это друг? Или долгожданный гонец от войска Нетвора?

Пока Улад думал, человечка заметили и другие. Впередсмотрящий поспешил доложить Кею. Сварг долго глядел на берег, затем махнул перчаткой и велел приставать. На всякий случай десяток кметов взяли луки на изготовку, готовые ударить роем стрел по притаившемуся за деревьями врагу. Но волновались напрасно – человечек был один. Вблизи он казался немногим больше – невысокий, сутулый, лысый, с неровной подстриженной бородой – не черной, не белой, а какой-то пегой. Одет он был в совершенное рванье, такое, что и холоп носить не станет. Поначалу его и приняли за холопа, но человечешка упал в ноги Сваргу, безошибочно найдя его среди кметов, и стал частить скороговоркой, что он не холоп, не беглый челядин, а чаклун, кобник, что он человек полезный, нужный. Просил он об одном – взять его, человека полезного, с собой, потому что ему здесь смерть грозит, и выше по реке – тоже смерть, и ниже

– ничуть не легче. Сварг скривился и хотел оставить бедолагу на берегу – народу в лодье и так хватало, – но человешишка обхватил красные огрские сапоги Кея и завыл, запричитал, уверяя, что он пригодится сыновьям Светлого, что он чаклун опытный, знающий, что он кобник, кобник, кобник, и он поможет, поможет, поможет... В конце концов Сварг махнул перчаткой и разрешил ему плыть с войском. Человешишка вновь упал в ноги, сначала Сваргу, затем Уладу, после чего быстро взобрался на борт Кеевой лоды.

Имя свое человешишка, конечно, назвал – как без этого, – но для всех он сразу же стал Кобником. Поначалу его хотели отправить к холопам, что кашеварили на привалах, но случилось так, что Кобник умудрился о чем-то коротко побеседовать со Сваргом, после чего, ко всеобщему удивлению, бродягу переодели во все чистое и велели работой не утруждать. Более того, эти беседы повторялись, а однажды, где-то на третий день, Улад заметил, что Кобник о чем-то говорит с Порадой, которая все это время ни с кем словом не перемолвилась за исключением, конечно, Сварга. Итак, Кобник пришелся ко двору, но чем эта милость вызвана, никто, даже Улад, не мог понять. Впрочем, о пришлеце говорили мало – не до него было кметам. Река казалось бесконечной, но их путь скоро завершится, а вот победой или чем иным – про то ведают лишь боги.

Итак, молодой Кей стоял у мачты и смотрел на берег. Конечно, отсюда ничего не увидеть. Река стала шире, и теперь даже Кобника заметить было бы затруднительно, случись ему вновь оказаться на пустынном берегу. Зато глядя на безмолвный зеленый простор, начинавшийся прямо за узкой полосой серо-желтого песка, хорошо думалось. А поразмышлять молодому Кею было о чем. Не о бое – о таком лучше заранее не гадать. Равновесие – то, о чем напомнил брат, то о чем когда-то говорил отец...

Улад, младший в семье, никак не мог дождаться четырнадцатилетия – дня, когда ему торжественно выстригут клок волос у левого виска и опояшут мечом. Его старшие братья уже считались взрослыми и правили своими уделами, выполняя повеления отца. Рацимир управлял волотичами, затем в Коростень послали Сварга, а Рацимиру отец велел ехать к сиверам. Валадар вначале правил в Валине, но потом отец послал его в далекий Ольмин, а оттуда вернулся Войчемир, которому нового удела почему-то не досталось. Улад не очень понимал все эти перемещения, но все равно завидовал братьям – сильным, веселым, носившим сверкающую на солнце стальную броню, настоящим альбирам, Кеям, потомкам великого Кея Кавада. И когда, наконец, Уладу исполнились заветные четырнадцать, и он получил право носить меч, молодого Кея вызвал Светлый.

Улад уже знал, что отец посылает его в Валин, к улебам, и думал, что речь пойдет о делах скучных, хотя и очень важных – о сборе и доставке податей, о местном ополчении, о правах дедичей, то есть о том, чем и должен заниматься наместник. Но вместо этого отец заговорил совсем о другом. Тон его был необычным. Он не приказывал, как надлежит Светлому, и не шутил, как порою шутит отец. Он скорее размышлял – неторопливо, негромко, делая долгие паузы. Отец говорил о том времени, когда сам был не старше Улада. Тогда было хуже – огры то и дело нападали на Савмат, полдень был в огне из-за почти ежедневных налетов Змеев, и он мечтал быстрее вырасти, чтобы взять меч и рубить, рубить, рубить врагов, как положено альбиру. Ему казалось, что в этом и состоит долг Кея, хозяина этой земли. И только через много лет, потеряв отца, потеряв брата, став наконец Светлым и отбив натиск с восхода и полдня, он понял, что долг Кея совсем не в этом. Альбиры рубят врага, и это их обязанность. Но Кей – не просто рубака. Он обязан владеть и мечом, и копьем, и боевым топором, должен уметь водить войско, но все это лишь средство для главного – для поддержания равновесия.

Очевидно, по лицу сына Светлый увидел, что тот не понял, поэтому терпеливо пояснил. Свет держится равновесием. Это равновесие во всем – между богами, между миром живых и миром мертвых, между зверьем, населяющим леса и степи. Равновесие должно быть и

между державами. Ему пришлось много воевать, чтобы такое равновесие установилось, наконец, между ними и ограми.

Наверно, все мысли младшего были написаны на его лице, поскольку отец усмехнулся и сказал, что и сам в детстве мечтал сокрушить огров. Не просто разбить – уничтожить, втоптать копытами боевых коней в серую степную землю. Но представим себе, продолжил он, что огрской державы больше нет. Равновесие нарушено, и тогда на место огров придут другие, те, кого войска хэйкана сдерживают у своих границ. С полдня, из-за Змеиного моря – румы, с восхода, от берегов Итля – пайсенаки. Начнется новая схватка, а ведь чтобы разбить огров понадобятся все силы! Кто тогда станет хозяином степи?

Ответить было нечего, а отец заговорил об ином. Такое же равновесие должно быть в семье, особенно если эта семья – Кеева. Они – владыки Ории, и если начнется разлад, то погибнет и держава. Да, все они братья – и Рацимир, и Володар, и Сварг, и Улад. Но только один из них станет Светлым. А чтобы это случилось по праву и обычаю, а не в результате кровавой войны, один брат не должен быть сильнее другого. Поэтому он, Светлый Кей, и меняет уделы, чтобы никто из сыновей не смог создать себе маленькое царство.

Улад, совсем растерявшись, начал горячо уверять отца, что ни он, ни Сварг, ни Рацимир... Отец остановил его повелительным жестом широкой ладони и продолжил. Равновесие в семье – это мир. Но бывает всякое. Уже сейчас ясно, что старшие сыновья, дети Неды, его первой жены, не в ладах со Сваргом. И эта неприязнь перейдет на него, Улада. С этим ничего не сделаешь, надо лишь следить, чтобы неприязнь не переросла во вражду. В Валине найдутся те, кто начнет наплетывать Уладу про его права, про зависть братьев, про необходимость иметь свое войско – пусть маленькое, но свое. Да, это возможно. Можно утаить часть подати, собрать новых кметов, но что дальше? Такое не скроешь – другие братья сделают то же самое. А потом? Рацимир пытался сделать такое у волотичей, Валадар – на полдне, у бродников. Их удалось остановить...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.